

**Роза
Сергазиева**

ТАЙМПОРТ

Роза Сергазиева

**Таймпорт. Серия
«Лестница времени»**

«Издательские решения»

Сергазиева Р.

Таймпорт. Серия «Лестница времени» / Р. Сергазиева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742481-7

Остросюжетный научно-фантастический роман. Человечество освоило нуль-транспортировку. Появились таймпорты — пересадочные узлы для мгновенной доставки людей и грузов в любую точку Земли. Рита решила воспользоваться новым видом транспорта. Но надежная система дает сбой. И Рита исчезает. Привычно читать, как герои проваливаются в прошлое, на годы или столетия. А если ты отстал от реального мира всего на 33 наносекунды? Вроде, и рядом, такая неощутимо малая величина, и все-таки — прошлое. Что тогда?

ISBN 978-5-44-742481-7

© Сергазиева Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Таймпорт

Серия «Лестница времени»

Роза Сергазиева

Дизайнер обложки Роза Сергазиева

© Роза Сергазиева, 2018

© Роза Сергазиева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-2481-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

РИТА прислонила к стене чемодан и нажала на кнопку звонка.

Нет, она все сделала правильно. Давно пора поставить точку в затянувшемся романе и вычеркнуть Костика из ее «ежедневника». Вердикт окончательный, обжалованию не подлежит, спрятан в сейф, закрыт на три оборота ключа, а ключ выброшен в океан и навечно скрылся на дне Марианской впадины. Где находится бездна, Рита представляла себе плохо, но что «каменная яма» – самое недоступное и глубокое место на планете, помнила.

Костик заслужил подобный приговор. Девушка год... Как, неужели целый год пролетел? Рита от досады прикусила нижнюю губу: три с половиной сотни дней, плюс столько же ночей, по сути, прожиты зря. Она год молча терпела нелепые выходки, выслушивала мерзкие придирки, бесконечные стоны и жалобы.

Как вообще ее угоразило связаться с подобным монстром?

Хотя, надо признать честно, Костик – потрясающе красивый монстр! Карие глаза, вьющиеся волосы, такая трогательная ямочка на подбородке. Мягкие ладони, особенно когда они касаются ее щеки...

Стоп! Прочь телячьи нежности. Она же дала себе слово, что отныне и навсегда будет крепкой и стойкой. Сколько можно считаться «серой мышкой»? Рита способна противостоять назойливым воспоминаниям. Да, Костик мог притворяться нежным и ласковым. Но гораздо чаще раздражался и нервничал по пустякам. И с какой-то изощренной радостью любил читать подруге нотации. Куда не глянь, она всюду не права.

Например, работает пять лет простым менеджером, за это время те, кто пришел вместе с ней, уже доросли хотя бы до старшего. И как она не объясняла, что карьерой совсем не интересуется, Костик только фыркал в ответ и называл Риту «бесцельной натурой». Вот он начал рядовым сотрудником пиар-агентства, а сегодня «тянет лямку» заместителя генерального директора. И если через пару лет не станет самым директором, то начнет искать новое место работы, достойное его амбициям и квалификации.

«Порядок, – любит повторять Костик, – должен царить не только в жизни и в голове, но и на работе и дома». О, последний пункт его изречения часто становился первым. Костик требовал, чтобы на кухне хлеб лежал только в хлебнице, а никак ни в полиэтиленовом пакете. Чтобы продукты в холодильнике раскладывались (а потом съедались) четко по дате изготовления: чем ниже на полке, тем дольше срок хранения.

Чтобы каждое утро его ждала свежеевыглаженная, непременно с двух сторон, белая рубашка.

Рита передернула плечами. Рубашки – самый противный момент совместного проживания. Она ненавидела их, они стали истинными врагами. Потому что ей назло стремились сморщиться под горячим утюгом или хрустели так, что не поддавались глажке, и приходилось ткань долго сбрызгивать водой. После чего материя неравномерно вытягивалась.

А сколько пришлось выслушать нравоучений по поводу того, что она «по-дурацки» одевается. Костик твердил: женщина должна выбирать для гардероба яркие цвета и, если позволяет фигура, короткие юбки, а Рита влезает в черные слаксы и такого же, цвета безлунной ночи, трикотажные свитера, и носит их до тех пор, пока до дыр не протрет. И если отправляется в магазин (на этой фразе Костик театрально закатывал глаза и прижимал красивые ладони к лицу), покупает сразу несколько пар одинаковых джинсов, чтобы решить проблему сразу на целый год. А когда выбирает туфли, то останавливается на модели «прощай, молодость»...

Рита сняла палец со звонка и придиричиво осмотрела себя. Ну да, на ней и сейчас любимые черные джинсы и башмаки-мокасины. Так ведь удобно-то как. Да здравствует свобода! Теперь она может спокойно одевать то, что больше всего нравится.

И девушка, издав победный крик, снова «приклеила» палец к пластмассовой кнопке.

Но больше всего раздражало Костика то, что она упрямо не хотела краситься. Не могла же Рита признаться, что попросту не умеет этого делать. Даже не представляет себе как подступиться. Девочки постигают мастерство, наблюдая за мамой. Рите такое счастье не выпало. Ее воспитанием занимался дед...

Кстати, почему он до сих пор не открыл дверь? Она точно знает, что старик дома. После девяти вечера Стрижевский устраивается в любимое кресло-качалку и размышляет-вспоминает под медленный джаз из допотопного магнитофона. Жаль, не слышно, работает ли звонок – двойная дверь съедает любой звук на «другой» стороне. Рита на всякий случай еще сильнее стала давить на кнопку.

Так вот Костик обожал подводить Риту к зеркалу и повторять: «Посмотри на себя! Разве так может выглядеть современная женщина?» Он знал, как ее это пугало. Знал и получал удовольствие. Рита съеживалась, опускала голову, вырывалась и убегала в спальню. Старая, старая фобия. Рита не выносила собственное отражение в зеркале.

...Что осталось в памяти от того страшного дня? Осколки, мелькающие картинки, обрывки... Ей было пять лет. Родители только что купили машину и решили устроить механизму достойное испытание: поехали с ребенком в отпуск к Черному морю. И по дороге обратно... Они уже почти доехали до Москвы...

Рита сидела за спиной родителей и в зеркало заднего вида ей улыбался папа, периодически поднимая глаза от руля. Внезапно – одна из машин, бегущих навстречу, выскочила из своего ряда и влетела прямо в папу. Их автомобиль закружился на месте... Последнее, что помнила Рита, перед тем, как утонула в темноте, заледеневший в глазах пятилетнего ребенка ужас в том самом зеркале заднего вида, в которое она автоматически продолжала смотреть.

После трагедии Рита категорически не подходила к зеркалам. Сначала ей казалось, что в момент аварии она и ее отражение разделились и с тех пор живут отдельно. Только отражение не растет, оставаясь маленькой девочкой, и ждет, когда Рита встретится с ней глазами и... Воображение рисовало самые страшные картины.

Даже став взрослой, Рита по-прежнему предпочитала не заглядывать в зеркала, чтобы не будить детские кошмары.

Сколько же раз дед заставлял ее по утрам в слезах...

Рита надула щеки: вот капризный старик, специально не открывает. Сейчас, когда он ей так нужен! Здесь она жила до того, как переехала к Костику. Значит, здесь и ее дом. Почему же дверь закрыта? И Рита предприняла более решительные меры: забарабанила кулаком по деревянной створке.

– Что, что случилось? – заскрипела, наконец, открываемая задвижка. – Зачем же так колотить? Я слышал звонок, просто не мог подойти, выключал магнитофон. Кто там?

– Деда, это я, – Рита отступила на шаг. – Я вернулась.

Дверь распахнулась. Девушка вкатила чемодан и срочно достала из кармана носовой платок. В горле предательски запершило, значит, истерики не избежать. Девушка долго крепилась, давала себе обещание не разводить при старике сырость, а все-таки не выдержала, разрыдалась.

– Гошенька, детонька, совсем плохо? – дед протянул к ней руки и прижал голову внучки к плечу.

– Ненавижу всех! – всхлипывала девушка.

– Но даже если опротивели все, – затараторил дед, чтобы сбить накал «водного потока»; традиционный прием взрослых против рева малышей: не сосредотачиваться на собственном несчастье, а переключить внимание на других, – кто-то должен значиться в списке под первым номером.

– Я от него ушла, – Рита терла платком нос.

– Вы разругались с Костиком? – не поверил академик.

– Во-первых, не поругались, ты слышал – я спокойно ему все объяснила, собрала вещи и ушла, – насупилась внучка. – Сама. Во-вторых, он не Костик, мужику уже за 30, а он по-прежнему представляется женщинам детским именем. Что, обычно, подкупает их с первой же минуты. Они думают, что он – эдакий сладкий мальчик. А он – монстр!

– Надеюсь, ты съездила чудовищу с именем Константин по его слащавой физиономии?

– Нет, но выкинула в окно его любимый шелковый галстук, – улыбнулась Рита, ей есть чем похвастаться. – Между прочим, купленный за границей и безумно дорогой!

– Одобряю, – дед погладил внучку, словно маленькую девочку, по голове. – Иди, устраивайся, почаевничаем, как раньше.

Рита зашла в свою комнату. Огляделась, развела в стороны руки: она дома! Достала из шкафа старую, с потертым воротником рубашку и завязала узлом на животе. И даже зажмурилась от удовольствия: приятно встретиться со старой «подругой». Которая понимает все и простит, Рита ведь не взяла рубашку с собой, когда перебиралась к Костику, он бы скривил от ужаса рот, найдя в ее вещах «линялую тряпку».

Но теперь нечего бояться косого взгляда или резкого слова. Она жила среди этих вещей с детства. Сначала здесь по московским меркам было многолюдно. Она, дед, мама с папой. Но однажды их осталось только двое... И как же Рита, оказывается, соскучилась по деду!

Девушка достала из-под кровати стоптанные тапочки, на одном все еще болтался на дряхлой нитке, явно из последних сил, пушистый помпон – и прошлепала на кухню. Села на свое место у окна и протянула руку к электрочайнику.

– Только не нажимай! – крикнул дед, пытаясь защитить кипятильник от неминуемой катастрофы.

Но – поздно. Рита коснулась кнопки и – случилось то, что всегда: из розетки с треском и шипением посыпались искры.

– Да, да, – виновато посмотрела внучка на деда. – Мне с механизмами по-прежнему не везет. Извини.

– Не страшно, – смирился привычно дед. – Сам виноват. Слишком давно не приходила. Успел отвыкнуть от твоих недостатков. Забудь про чай, сварим-ка лучше какао.

– Ура! – поцеловала она старика в колючую щеку.

Умеет дед радовать: какао – божественный напиток! Академик Стрижевский терпеть не мог суррогаты, и если пил кофе, то только молотый, а никак не растворимый, а если варил какао, то никаких гранул, только из настоящего порошка. Рита любила наблюдать, как дед священнодействовал над плитой. В этот момент он даже запрещал ей говорить, чтобы не отвлекала от молока, которое, если перегреть, стремилось убежать.

Чуть теплым оно выливалось в граненый стакан, куда плюхалась отмеренная с горкой чайная ложка порошка, и жидкость в прозрачном сосуде волшебным образом приобретала бледно шоколадный цвет. Затем смесь вновь возвращалась в кастрюльку, говорить снова запрещалось – нельзя пропустить момент вскипания. И – наконец, ароматный напиток переливался в ее любимую, с изображением божьей коровки, кружку, в которую заранее уже положили для сладости мед. Рядом на тарелочке дожидались своей очереди колечки курабье и зефирины с шоколадом.

– Так кто дальше в списке? – напомнил дед, теперь говорить можно. – Анжела?

– Знаю, что она тебе тоже никогда не нравилась, – третье печенье, так же быстро, как и первые два, растаяло во рту. – Но Анжела – моя лучшая подруга.

– О да, о ней либо хорошо, либо ничего, – съязвил дед.

– Поэтому она осталась за скобками, – Рита сделала вид, что не обиделась. Дед считал Анжелу хитрой и злопамятной. Но других подруг у Риты не завелось. – А вот на работе достали. Надоело под всех подлаживаться. Начальник предпочитает орать. Люди берут с него пример

и таким же образом общаются друг с другом. Главенствует принцип: «Съешь хоть кого-нибудь, тогда и тебя будут уважать».

– Ну, это сильно утрированное представление о капитализме. Я бы упростил формулу: «Бизнес, ничего личного», – в старике проснулся логик.

– Сложнее – проще, мне не легче. А главное – это не лечится, – вздохнула девушка.

– По поводу Константина – согласен, он неисправим, – дед, согревая руки, обхватил свой бокал. – А вот по поводу коллег, работы – здесь трагический взгляд на вещи легко изменить. Тебе нужен отпуск. Ну-ка Гоша, признавайся, когда последний раз отдыхала?

– М-мм..., – да, так сразу и не ответишь на вопрос. – Подожди, дай вспомнить... Я в Хельсинки ездила.

– Тоже мне отпуск, всего лишь три праздничных новогодних дня. А тебе сейчас требуется море, солнце, пляж и беззаботные, симпатично загорелые лица вокруг. Предпочтительно мужские.

– Море теперь мне недоступно, – Рита налила из кастрюльки остатки шоколада. – После того, как ты испортил мир, я мало, куда могу добраться.

– Не испортил, а подарил людям уникальный способ передвижения.

Это был их традиционный беззлобный и, как показало время, бессмысленный спор, растянувшийся на полтора десятка лет.

В начале XXI века разразился затяжной финансовый кризис. Одни экономисты помогали правительствам: спасали от разорения банки, пытались манипулировать ценами на нефть, искали возможность создать новую мировую валюту, думали, чем занять безработных, составляли списки промышленных гигантов, которые нужно вытаскивать в первую очередь. Словом, латали с помощью государственных средств образующиеся одна за другой дыры. Не всегда удачно, но всегда очень затратно.

Другие ученые, называя своих коллег пренебрежительно «пожарной командой», призывали, наоборот, воспользовавшись моментом, перестроить привычную структуру экономики и сделать ее фундаментом не добывающие или перерабатывающие отрасли, а инновационные. У этой теории появились свои поклонники, и повезло тем из них, кто верно нашел точку приложения сил и средств.

Одним из направлений стала гражданская авиация, которая за годы кризиса практически развалилась. Из-за нехватки средств заморозились работы по созданию новых пассажирских лайнеров. В Европе, США и России застряли в ангарах наполовину готовые экспериментальные модели следующего поколения. С падением деловой активности, свертыванием туристической индустрии (нелепо безработным предлагать путевки на курорты), количество авиаперевозок поползло резко вниз. Чтобы содержать парк машин в рабочем состоянии, пришлось поднимать цены на билеты, в результате и так маленький поток рейсов усох практически до нуля.

Авиакомпании разорялись одна за другой. На рынке остались лишь самые крупные. Но и их час неминуемо грозил пробить: так как самолеты не обновлялись, запчасти перестали поставлять из-за банкротства заводов, участились технические неполадки на земле и в воздухе. Полеты стали рискованной экзотикой. Аэропорты работали себе в убыток.

И даже завершение кризиса не помогло. Слишком тяжелые раны были нанесены. На восстановление разрушенного требовалось много времени и еще больше денег. Как не парадоксально прозвучит: сложилась идеальная ситуация для поиска альтернативы. Современный мир не может существовать без возможности быстро передвигаться. Но кто сказал, что эта задача по силам только авиации?

Глава 2

ДЕД Риты, тогда еще член-корреспондент Российской Академии наук, Виктор Николаевич Стрижевский, слыл среди коллег физиком-мечтателем, потому что теоретически обосновал существование нуль-пространства.

В качестве традиционной сказки на ночь он предпочитал рассказывать внучке не о злоключениях трех поросят или рискованном путешествии Красной Шапочки, а про момент возникновения Вселенной. Особенно ярко, с помощью громких криков, больше похожих на боевой клич индейцев, беганьем по комнате и маханием рук у него получалось изображать Большой взрыв.

После многократного повторения Рита уже сама пересказывала любимому плюшевому медвежонку упрощенную историю о том, что, родившись, наша Вселенная включила таймер. Поэтому первый из главных факторов существования, *присущих только ей*, является **время**. А второй – **пространство**, потому что Вселенная постоянно расширяется и захватывает все новые и новые области. В которых, соответственно, *еще нет пространства-времени и господствует полный нуль*. Другими словами Вселенная буквально наспигована **пространственными дырками**. А значит, их можно использовать для моментального передвижения на далекие расстояния.

«Чтобы забросить тело в нуль-пространство, достаточно окружить его нуль-пространственными дырами», – Виктор Николаевич несколькими штрихами изображал на листке бумаги человечка в кольце черных пятнышек.

«И мы сможем из Москвы быстро добраться до Черного моря, искупаться и вернуться к программе „Спокойной ночи, малыши“?», – сонно спрашивала внучка, вслушиваясь в монотонный перестук надоевшего дождя за окном.

«К сожалению, пока нельзя определить точку, в которой окажется телепортированный таким образом объект, – потирал виски ученый: тяжело признаваться даже ребенку, что в твоей теории полно, как и во Вселенной, дыр. – Человека может выкинуть неизвестно где. Хотя решение проблемы лежит на поверхности: достаточно в определенных местах установить передатчик и приемник и синхронизировать их. А потом приглашаешь пассажиров в лифт, – дед чертил дальше, помещая фигурку человечка в квадрат, – и он выпрыгивает в заданном районе. Только такая кабина способна двигаться не привычно-статично вверх или вниз, а в любую сторону: вперед-назад, влево-вправо, проходить сквозь стены и земную толщу. Р-раз! – и мы с тобой на морском пляже, если уж тебе так хочется на море».

Неудивительно, что после научной «сказки» ребенку снились слишком эмоциональные сны. Рита входит в прозрачный лифт (она видела такие в больших магазинах), нажимает кнопку их пятого этажа. Кабина, дребезжа, медленно ползет вверх, почти доезжает до нужного уровня и вдруг, замерев на секунду на месте, словно переваривая своими электронными мозгами новую программу, резко сворачивает... вправо к окну на лестничной площадке. И сначала объезжает дом по фасаду, а потом по стальным рельсам, словно по американским горкам, несется, набирая скорость, над землей.

Полет становится столь стремительным, что тело пассажирки расплющивает о стенку кабины. В какой-то момент оно взрывается, рассыпаясь на мелкие капельки, которые цепочкой растягиваются от одной точки планеты до другой.

Рита, задыхаясь, просыпается. И еще в полудреме дрожит от страха: ее молекулы так и не собрались вместе, и, значит, Риты больше нет? Но, нащупав в ногах слетевшее одеяло, под головой скомканную подушку, девочка потихоньку успокаивается – нет, Рита есть, это лишь сон. Нужно попытаться заснуть снова.

И девочка прижимала к щеке плюшевого мишку, надеясь на его защиту...

Сама собой в Интернете образовалась тусовка поклонников гипотезы Стрижевского. Смелчаки предлагали собрать первую пару «приемник-передатчик», чтобы провести экспериментальную нуль-транспортировку в заданную точку. Но именитый ученый на сайт не заглядывал, в горячих обсуждениях на форуме не участвовал.

Виктор Николаевич считал себя теоретиком, кем-то сродни поэту: его задача красиво, с помощью безупречных формул описать идею, а внедрять ее в жизнь, строить конкретные станции, проводить испытания, словом, банально «делать сказку былью» – удел практиков. Так «дитя» Стрижевского начало существовать помимо него.

Однажды на сайте «нулевиков» появилось объявление: «Ищем спонсора. Готовы предложить перспективный, инновационный проект: практически мгновенное передвижение в любую точку планеты. Бешеная прибыль гарантирована». То ли сыграло роль модное тогда слово «инновация», то ли кризис заставил многих искать нестандартные ниши в экономике, но ученых-бессеребренников услышали бизнесмены и предложили помощь.

Уже через пять лет после начала испытаний открылась первая пара ТАЙМПОРТОВ (так назвали новинку): в Питере и Москве. Еще какое-то время два способа передвижения – традиционная и новейшая существовали параллельно: но самолеты летали все реже, а таймпорты вырастали в разных городах, словно грибы после дождя. Рядом с пассажирскими терминалами строились грузовые. Здесь лифты выглядели менее комфортабельно, зато обладали несравнимой вместимостью.

Нуль-транспортировка, конечно, обходилась дороже перевозок по железной дороге, по воде или по воздуху. Но на конечной стоимости товара это не отразилось. Ведь сократились расходы фирм на охрану груза, страховку, уменьшились убытки из-за порчи товара в течение долгого пути, не нужно платить за проход кораблей по проливам и каналам, как и дань морским пиратам.

Кстати, военная авиация никак в этом «соревновании» не пострадала. У нее другие задачи, которые не изменились, другая техника, свои аэродромы и навигационные башни. А вот гражданской пришлось сдаться. Старые аэропорты переоборудовались в торговые моллы, взлетно-посадочные полосы – в трассы для автогонок.

Большие лайнеры стали на прикол, их переделывали в выставочные экспонаты или детские учебные центры. В строю осталась лишь парочка «Боингов» в Австралии, там сохранили местное развлечение: долететь до Антарктиды и обратно.

Маленькие самолеты использовались для недалеких путешествий. В те малопосещаемые регионы планеты, где невыгодно строить таймпорты.

Вся транспортная система отныне выглядела иначе. По океанам и морям ходили лишь круизные теплоходы. От таймпорта до близлежащих населенных пунктов пассажиры доставлялись автомобилями, вертолетами или по железной дороге. По железной дороге развозили людей только в светлое время суток (в виде исключения, как дань традиции в столице сохранился лишь один ночной экспресс – «Красная стрела»).

Вот почему Рита, которая не имела машины и не умела водить, оказалась в праздничные дни в Финляндии. Из Москвы до Питера и дальше до Хельсинки можно доехать двумя электропоездами. А, например, до моря, куда она мечтала попасть, хоть до самого ближайшего Черного, ей пришлось бы добираться слишком долго, пересаживаясь с поезда на поезд.

На дорогу до Коктебеля уйдет не меньше недели с утомительными ночевками в маленьких городках. А еще таким же образом возвращаться назад.

– Но твои таймпорты – дорогое удовольствие, – Рита напомнила деду старый аргумент. – Не только для меня, простого офисного служащего, но и для тебя самого. Ты же до сих пор так никуда и не съездил по собственному выбору.

Виктор Николаевич насупился: да, с его пенсией особенно не покатаешься. Даже если и «академик тебе имя». Но ему еще повезло: деда в качестве свадебного генерала как отца-основателя прогрессивного способа передвижения и сегодня приглашали на открытие новых таймпортов. В принципе программа торжества не позволяла расслабиться. Вся процедура укладывалась в несколько часов. Стрижевский должен был непременно маячить справа от чиновника, который разрезал красную ленточку. Но потом наступало время традиционного банкета, и дед тихо исчезал. Он ловил такси и устраивал себе небольшую экскурсию по очередной столице.

– Согласен, что недешево, – с сожалением констатировал Виктор Николаевич. – Но давай посмотрим, что на противоположной чаше весов: безопасность и время, которое тратится на дорогу.

На это Рите трудно что-либо возразить. Теперь путешествие в любую точку планеты представляло собой легкую прогулку. Причем не имеет значение, как далеко вы собрались. Главное, сколько времени вам понадобится, чтобы добраться до ближайшего таймпорта: 40 минут или два часа.

Да, мир стал намного доступнее. И гораздо безопаснее.

Прежде всего, новый способ передвижения полностью исключил пресловутый человеческий фактор. Нуль-транспортировке не страшны ошибки пилотов по причине отсутствия последних. В штате таймпортов остались диспетчеры, но ни за какими полетами они не наблюдали, а лишь вводили координаты приемных станций в систему ориентирования нуль-камер.

Жизни пассажирам теперь не угрожали сложные погодные условия, отказ техники или попадание в двигатель птиц. Даже страшная напасть конца прошлого и начала нынешнего века – террористы остались равнодушны к тайм-лифтам.

Захват заложников, угроза взрыва, переговоры с командиром корабля? В кабине на самых популярных маршрутах только пара десятков пассажиров: рейсы стали выполняться чаще, не требуется время как раньше на прием и подготовку судна к полету, расписание легко перестроить, добавив или убрав количество прыжков. Переговоров с землей никаких, кому предъявлять требования?

Испортить саму систему транспортировки невозможно. Лифт – лишь коробка, путешествующая вместе с пассажирами. Все сложное оборудование расположено в нуль-камере, за пределами лифта, по его периметру и остается во время прыжка на месте. Даже если представить, что какой-нибудь сумасшедший сможет обмануть мощные сканеры на входе, которые просвечивают каждого пассажира и его багаж насквозь, и пронесет в лифт части взрывного устройства, то собрать адскую машинку не успеет. Само перемещение занимает несколько секунд после включения команды «Пуск!».

С какой точки зрения не посмотри – идеальный «вид транспорта». Но Рита боялась таймпортов. Старый детский сон про растянувшуюся вдоль глобуса цепочку молекул сидел в подсознании и контролировал мысли хозяйки.

– Признайся, дело не в деньгах, – настаивал дед, – ты элементарно трусишь! А зря. Таймпорты существуют уже 15 лет, их количество перевалило за десять тысяч. И ни одного ЧП! – Стрижевский торжественно поднял к потолку указательный палец. – Ты не застала, но я помню, как замирало сердце: авиакатастрофы случались по несколько в год. Создавали комиссии, искали причины, рисовали графики, связывая их с биологическими часами. Особенно опасными считались декабрь и август, в это время аварии происходили чаще. В первом случае винили усталость пилотов, накопленную к концу года, во втором ажиотаж, связанный с пиком нагрузок из-за летних отпусков. Но объективные причины служили малым утешением для людей, которые теряли родных. Сколько человек погибло в воздухе! А сейчас – полный штиль. Полтора десятка лет – это уже неоспоримый факт. Мир правильно сделал выбор в пользу таймпортов. И поверь мне, они еще не сказали своего последнего слова.

– Вижу, пока я отсутствовала, приспособливаясь к монстру по имени Костя, ты не скучал, – прищурилась, улыбаясь, Рита. – Придумал что-то новое?

Дед, словно плотно поевший кот, удовлетворенно и загадочно промурлыкал какую-то невнятную мелодию.

– По крайней мере, ты провел время с большей пользой, чем я, – поморщилась внучка. – И что на этот раз? Неужели путешествие к другим планетам?

– Уволь, – дед продолжал интриговать. – Я же ученый, не фантаст. Меня влекут реальные идеи. Посмотри лучше в окно. Что там видишь?

– Ничего нового, – Рита послушно выглянула наружу. Она знала, что деда нельзя торопить. Он любит «наводить тень на плетень», получая удовольствие от процесса, поэтому продолжала подыгрывать. – Обычная улица.

– Нет, не просто улица, – настойчиво поправил Стрижевский, – а дорога, забитая машинами.

– Ты замахнулся на пробки? – наконец, догадалась Рита.

– Еще немного, и Москва избавится от главной болезни мегаполисов. Ведь нуль-камеры можно ставить на любом перекрестке. В любом количестве. Их можно размещать на первых этажах зданий, вместо вестибюлей станций в метро. Люди будут доходить до ближайшего тайм-лифта, набирать на панели адрес точки выхода и, пожалуйста, человек уже рядом с работой, домом, театром или рестораном. Не надо никуда ездить. Автомобиль в городе перестанет играть роль средства передвижения.

– Но тогда улицы, особенно в центре, превратятся в бесконечный ряд лифтовых дверей, – ужаснулась Рита.

– Не беда, тайм-кабины можно разместить в подземных переходах, – тут же нашел решение дед.

– Около них в часы пик выстроятся длинные очереди из желающих попасть к месту назначения, – продолжала сопротивляться Рита.

– Построим много лифтов. Постоять, конечно, придется, но это все равно займет меньше времени, чем езда по пробкам или в метро на другой конец города, – азартно парировал дед.

– Но тогда я вообще на улицу не выйду! – внучка грустно подперла щеку.

– А-а-а, – торжественно закончил спор дед, – вот ты и призналась, что просто боишься такого вида перемещения.

Но, увидев, что глаза девушки наполнились слезами, Стрижевский понял, что переборщил.

– Сколько раз я тебе твердил, – ласково сказал он, – чтобы преодолеть страх, нужно один раз набраться смелости и совершить то, чего боишься.

– Да, я помню, – сопела внучка, – чтобы научиться плавать, нужно прыгнуть в бассейн.

– Или в море с лодки, – напомнил дед.

– Не трави душу, какое море? – Рита оторвала от бумажного полотенца кусочек салфетки. Высморкалась.

– Любое, – вдруг подмигнул академик и достал из кармана конверт, украшенный старомодными вензелями. – Завтра, если ты еще помнишь, какой месяц стоит на дворе, 20 июня. В этот день ровно 15 лет назад заработала первая пара таймпортов. В честь юбилея великому российскому ученому, прославленному академику Стрижевскому, – Виктор Николаевич церемонно поклонился и шаркнул ногой, – вручили «Золотой билет». Мне, старику, он ни к чему. А вот проблема твоего отпуска, считай, решена.

Рита взяла конверт, достала блестящий купон. Корпорация «Bonk & Brothers», главная владелица таймпортов, не баловала клиентов: «золотые билеты» дарились редко, лишь знаменитостям. С помощью купона можно бесплатно прокатиться туда и обратно в любую точку мира. Причем не в обычном тайм-лифте, а воспользовавшись VIP-терминалом.

– Вот «Атлас мира», – пока Рита, размышляя, кусала ноготь большого пальца, дед притащил на кухню объемный фолиант и хлопнул его на стол. Он понимал, что действовать нужно стремительно. Раз девушка перестала спорить и замолчала, значит, появился шанс вытолкать ее из города. – Давай выберем что-нибудь поэкзотичнее.

Рита снова погладила ладонью рифленую поверхность «Золотого билета». Нет, возвращаться на работу не хочется. Ей, как воздух, необходим отпуск, она с дедом полностью согласна. И что тогда ее ждет завтра, послезавтра и послепослезавтра?

Рита слишком хорошо знала себя, поэтому легко представила грустную картину: она будет ходить по комнате из угла в угол, а потом в какой-то момент смалодушничает, снимет трубку телефона и позвонит Костику.

Нет, нет и нет. Этого нельзя допустить. Нужно сбежать из Москвы, как можно дальше, в глушь, в лес. Или... на море?

А как же ее вечные страхи? Цепочка молекул вдоль экватора?

Но как долго она способна игнорировать мир, в котором живет, его правила? Может быть, настал момент перебороть себя и, зажмурившись, шагнуть в кабину тайм-лифта? Тем более, если ей это ничего не будет стоить в денежном выражении?

Вообщем, Стрижевский уломал внучку, и Рита, продолжая в душе сомневаться, все же согласилась.

Глава 3

ДЕД по привычке проверил, как Рита пристегнулась, и только потом включил двигатель.
– Ты все же не права, Гоша, – Виктор Николаевич не оставлял надежду переубедить внучку.

Вчера, согласившись воспользоваться «Золотым билетом», девушка так и не перелистала «Атлас мира». И выбрала ближнее море, хотя вполне могла позагорать где-нибудь на Карибах. Когда еще выпадет такая возможность?

– Ты забываешь, что бесплатный у меня только билет, – Рита раскрыла сумочку: на всякий случай проверить еще раз, не забыла ли паспорт и сам подарочный купон. – За все остальное придется платить из своего кармана, начиная с гостиницы и кончая проходом на пляж. А на кредитной карточке у меня даже отпускных нет. Кстати, я до сих пор не уверена, что поступаю правильно. Даже на работу не позвонила.

– И не звони, – хмыкнул дед, выруливая на шоссе, ведущее к таймпорту. – Я это сделал за тебя.

– Как отреагировал начальник, накричал? – Рита нервно забарабанила пальцами по стеклу.

– Не знаю, – пожал плечами дед. – Я общался с секретаршей, сообщил ей, что у Маргариты Стрижевской проблемы, и она берет отпуск. Так что отступать некуда, впереди – голубая волна уже спешит пощекотать твои бледные ступни!

«Ну, и пусть, – Рита откинулась на сидении. – Хотя раз в жизни сделаю что-то лично для себя». И девушка вновь достала сумку, нащупала темные очки и нацепила их на нос – отпуск, так отпуск. Пусть начинается прямо с этой минуты.

Вдруг заверещал мобильный. На дисплее высветился номер единственной подруги.

– Привет, Анжела, – Рита нехотя прижала трубку к уху: не трудно догадаться, о чем пойдет разговор.

– Ты – ненормальная! – звук в аппарате оказался слишком громким, даже дед услышал и насунился. – Как ты могла уйти? У вас же любовь!

«Любовь?» – Рита сняла очки и прислонила их к виску. Она столько раз открывала перед Костиком сердце, признаваясь в любви, а он ни разу не сказал ей о своих чувствах. Почему? Может, и не было их у него? Но не обсуждать же сейчас эту тему с Анжелой в присутствии деда.

– Я решила уехать, – остановила она поток возмущенных возгласов подруги. – Далеко и надолго.

– А как же Костик? Что будет с ним? Ты подумала о нем? – неожиданно спросила подруга, которая раньше всегда поддерживала сторону Риты.

– Мне безразлично, – прошептала девушка. – Я впервые решила подумать о себе. – Она резко нажала кнопку отбоя, мало того, вообще отключила телефон и швырнула трубку обратно в сумку.

– Ты успела рассказать Анжеле про вашу ссору с Костиком? – подозрительно посмотрел на внучку дед.

– Н-н-нет, – Рита перебросила сумку на заднее сидение.

– Тогда откуда она узнала?

– Телепатия, – с деланным равнодушием отмахнулась Рита, хотя ситуация и ей показалась подозрительной. Но она ведь намерена больше к проблеме Костика не возвращаться, значит, забыть, забыть все, что с ним связано.

Машина почти добралась до места. Уже виднелась парящая над башнями огромная буква «Т».

Архитекторам, которые спроектировали московский таймпорт, вручили международную премию. Комплекс, со стороны похожий на огромный цветок, и вправду впечатлял своими формами и размерами.

Три башни внизу соединялись стеклянным куполом. В его подземном пространстве «выгружаются» пассажиры, которые прибывают на автомобилях, автобусах или электричке. Наземные этажи – рекреационная зона: залы ожидания, кассы, рестораны, магазины, таможня, пограничный контроль. Из купола можно попасть в любую из башен. Прозрачными спинками они обращены вовнутрь. Сквозь стекло видны змейки эскалаторов, которые поднимают пассажиров на разные уровни.

Каждая башня похожа на многоэтажный «комод», фасад которого разделен на квадраты нуль-камер. Периодически в камеры въезжают «ящики» – тайм-лифты. Вспышка – кабина с людьми прыгнула в точку назначения, или нуль-камера приняла очередную порцию путешественников и «ящик» втягивается внутрь «комода».

Загорающиеся точки, такие яркие, что их хорошо видно и днем, словно огни фейерверка, добавляли конструкции ощущение праздника. «Отправка объекта через нуль-пространство выглядит для внешних наблюдателей взрывом, – вспомнила Рита цитату из рекламного проспекта, которые дед охапками привозил с церемоний разрезания красной ленточки. – Поскольку сам нуль-переход не требует энергии, а энергия, затраченная на создание нуль-пространства, выделяется здесь же, в точке отправления».

Оставив машину на подземной парковке, Рита с дедом поднялись в центральный зал. Его украшал гигантский рекламный плакат, висящий под потолком: «У нас всегда лётная погода!». Рядом с традиционным табло клубился народ, казалось, легко потеряться в этом хаосе. Но люди находили на электронном информаторе подсказки с указанием своего рейса, названием башни, номерами нужного уровня и тайм-лифта. И устремлялись к эскалаторам.

Московский таймпорт – серьезный транспортный узел. На каждом этаже располагалось по несколько нуль-камер. Пассажиры проходили сквозь сканер, предъявляли билеты трафик-операторам, и направлялись к кабине. В каждой из них установлены две пары дверей друг напротив друга. Не успевали створки захлопнуться за последним человеком, как открывались противоположные двери, и люди выкатывали чемоданы уже в таймпорте назначения.

Повертев головой, дед обнаружил указатель к стойке VIP-регистрации, подхватил выдвижную ручку чемодана и ринулся в нужном направлении. Рите ничего не оставалось, как пристроиться в фарватер к академику, что оказалось удобным – те, кто бежал им навстречу, а в любом таймпорте обязательно найдутся люди, которые опаздывают на рейс, наткнулись на Виктора Николаевича или отскакивали от него и уже не мешали спокойно идти ей.

Оказавшись у стеклянной перегородки, Рита протянула холеному клерку волшебный купон и паспорт. Простым пассажирам нужно покупать билеты, подстраиваясь под расписание. VIP-клиенты – народ особый, расписание подстраивается под них. О точке назначения они сообщают непосредственно в таймпорте, у окошка регистрации. И, пока идут по VIP-коридору, тайм-диспетчер программирует маршрут.

Оформив заказ, Стрижевские направились дальше. Оказалось, что им не придется подниматься и в башню. VIP-терминал расположен в правом крыле центрального зала.

О том, что они попали в нужное место, подсказал очередной рекламный плакат: в комфортабельной кабине в кресле, элегантно закинув ноги одну на другую, сидела блондинка с бокалом шампанского в руках.

У красной линии за плакатом их дожидалась почти такого же модельного вида барышня в форме сотрудницы московского таймпорта: нежно голубая блузка, темно синяя юбка и воздушный бело-сине-красный шарфик вокруг шеи.

С открытием первых таймпортов, сразу встал вопрос, как называть бывших стюардесс? Оставить их «бортпроводницами» не имело смысла: ведь никакого «борта» отныне не суще-

ствовало. Да и функции стюардов они уже не выполняли: никаких «пристегните ремни», «мы продемонстрируем, как надевать спасжилет», «после взлета вам будет предложен обед», «посмотрите каталог товаров». Девушки лишь сопровождали пассажиров до дверей тайм-лифтов или встречали вновь прибывших. Тогда выбрали термин трафик-оператор.

Рита торопливо чмокнула деда в щеку, перехватила из его рук чемодан и заспешила за девушкой.

– Как только окажешься на месте, непременно позвони, – крикнул Виктор Николаевич.

– Обязательно, – Рита, не оборачиваясь, помахала свободной рукой.

«Вот и до таймпортов добралось пресловутое социальное неравенство», – поправив сумку на плече, подумала Рита.

По всему миру сейчас раскиданы тысячи башен. Но практически всем пассажирам приходится добираться до места с пересадками. Таймпорты из мегаполисов доставляют людей только в столицы и большие города или популярные курорты. Если вам надо дальше, на месте потребуется перейти в сектор внутренних линий и снова искать нужный тайм-лифт. Правда, в сезон отпусков по заказам крупных туроператоров, или в особых случаях – например, нужно доставить олимпийскую команду страны в определенную точку планеты, с которой нет постоянного обмена, выделяется специальный лифт.

А вот VIP-клиентам подобная возможность предоставляется всегда: они могут прямым рейсом попасть сразу туда, куда захотят. Лишь бы на противоположном конце работала хоть одна нуль-камера. Явное преимущество. (Правда, если билет на обычный рейс стоит дорого, то на VIP – безумно дорого. Ведь особо важным персонам приходится оплачивать возвращение кабины обратно в пункт отлета. Или порожний рейс за клиентом, если в точке назначения не было VIP-терминала, а значит и своего VIP-лифта). Но... Рита улыбнулась: как же приятно, когда ты можешь это себе позволить. Вот она, например, сразу окажется на берегу, без утомительного мотания по транзитным башням.

Вслед за трафик-оператором Рита ступила на движущуюся дорожку, понятно, что траволатор ехал именно в ту сторону, куда нужно обладательнице «Золотого билета». Вот и чемодан не придется долго за собой катить.

Еще десяток шагов после дорожки и они оказались перед распахнутыми дверцами тайм-лифта. Он ничем не отличался от того, который видела Рита на плакате: удобное кресло на колесиках в углу, журнальный столик рядом и на его лакированной поверхности – бокал с шампанским. «Когда и кто успел откупорить бутылку?», – подумала Рита, разглядывая поднимающиеся вверх пузырьки.

– Устраивайтесь удобнее, – девушка отрепетированным жестом пододвинула кресло к VIP-пассажирке, помогла поставить рядом чемодан. – Тайм-диспетчер уже ввел координаты пункта назначения. Потребуется несколько минут на согласование прямого рейса. Приятного путешествия!

Несостоявшаяся модель вместе со своей приклеенной к лицу улыбкой вышла обратно в коридор.

Двери бесшумно закрылись, Рита откинулась на кресле и взяла в руки бокал шампанского. Стекло приятно холодило пальцы. Надо же, не пластмасса. Все по высшему разряду.

– Добрый день, госпожа Стрижевская, – раздался из динамика мягкий мужской голос. Настолько приятный, что Рита даже не вздрогнула, услышав его в полной тишине. – Говорит тайм-диспетчер Борис Егоров. Спасибо, что решили воспользоваться услугами компании «Bonk & Brothers». Разрешите уточнить: вы уже путешествовали с помощью тайм-лифтов?

– Ни разу, – Рита подняла голову наверх, пытаясь понять, где находятся динамики. Но ни на потолке, ни на стенах ничего не увидела.

– Тогда несколько слов о том, как все произойдет. Чтобы не волноваться понапрасну. Вы почувствуете движение и услышите тихий гул электромоторов: тайм-лифт начнет движение

к нуль-камере. Потом раздастся щелчок – кабина зафиксируется. Еще пара минут и откроются противоположные двери.

– И все?

– Все. А теперь давайте еще раз проверим...

Рита сделала маленький глоток из бокала.

Интересно, как выглядит разговаривающий с ней тайм-диспетчер? Ну, уж точно, не как Костик. У того голос истеричный и капризный. А этот добрый и в то же время мужественный. Наверняка, у его обладателя широкие плечи, карие глаза, строгий лоб и... трехдневная щетина на щеках!

Рита быстро прижала ладонь ко рту, чтобы не засмеяться. В 16 лет именно небритость она считала признаком настоящего мужчины. Романтичная глупышка, мечтающая о принце. Ой, он же о чем-то ее спросил? Повторить точку назначения?

Да, если бы они были знакомы, она обязательно рассказала ему о своем заветном желании: однажды в глянцевого журнале девушка увидела сказочные фотографии Голубого грота. Солнце подсвечивает морскую воду, и она становится небесного цвета. Лодочники, которые возят туристов, поют песни и рассказывают легенду о том, что великая царица Клеопатра купалась здесь голышом.

Как хотелось Рите сейчас назвать адрес: Средиземное море, Неаполь, оттуда ходит паром до острова Капри. А может, на любимом туристами острове есть и свой таймпорт?

Но, вздохнула, девушка, они не знакомы и никогда не встретятся. А Италия ей не по карману. Хватит мечтать.

– Всего лишь Черное море, – уверенно повторила Рита. – Коктебель.

Глава 4

ТАЙМ-ДИСПЕТЧЕР Борис Егоров, сидя перед дисплеем, дежурно улыбался. Хотя пассажирка и не могла его видеть, но правила нарушать нельзя. На тренингах, которые проводились для сотрудников VIP-терминала, постоянно твердили: клиент должен чувствовать повышенное внимание к себе, даже если вы не находитесь в визуальном контакте, а только общаетесь через микрофон.

И Егорову хотелось соответствовать стандарту.

Тем более что сегодня не просто его первый рабочий день в новой должности, но и потому что Маргарита Стрижевская – Борис глянул еще раз в заявку, чтобы не напутать с фамилией, чем-то она ему знакома – его первая клиентка.

Нет, конечно, ему, как любому диспетчеру таймпорта и раньше доводилось замещать коллег из VIP-терминала. Например, когда дежурный уходил на обед или из-за пробок опаздывал сменщик. Но, во-первых, подобное «удовольствие» длилось совсем недолго, максимум полчаса, а во-вторых, рейсов на его долю практически не выпадало. Борис лишь отсиживался в кресле с поручением «на всякий случай».

А сейчас он полновластный (и единственный!) хозяин VIP-диспетчерской на ближайшие 12 часов.

В небольших городах диспетчера не делились на тех, кто обслуживает обычные, и тех, кто отвечает за VIP-рейсы. Но московский таймпорт – слишком сложный транспортный узел. Поэтому здесь сделали две службы: одна находится под самым куполом ближе к башне «А», другая непосредственно в VIP-терминале в правом крыле. Но начальник обеих команд – один, Аркадий Кибрик. Потому что уровень квалификации специалистов должен быть одинаково высоким, заявляет руководство таймпорта.

Только между собой диспетчеры тем, кто попал в VIP-зону, по-тихому завидуют: работы на несколько порядков меньше, а зарплата выше. А вслух любят позлословить: мол, доплачивают мужикам за приклеенную улыбку и умение трепать языком. Дело в том, что «под куполом» особых разговоров нет. А вот «на земле» приходится развлекать несколько минут пассажиров, пока лифт готовится к прыжку.

В штате VIP-терминала 5 диспетчеров. Четыре дня – с пятницы до понедельника – смены короткие, по 8 часов. Потому что обстановка напряженная. Прибывают из командировок бизнесмены, депутаты, госчиновники, им навстречу спешат те, кто решил провести весело выходные, а потом снова начинается рабочая неделя.

В три оставшихся дня наступает некоторое затишье и поэтому смены длятся уже по 12 часов, первая – с 10 утра.

Борис приехал в таймпорт загодя. И, прежде всего, зашел на свое старое место службы – «под купол». Поздороваться с Аркадием. Именно Кибрик перевел Бориса «на землю», как только освободилось место.

Зал «под куполом» встретил Егорова привычным фоновым гулом, который складывался из гудения компьютеров, кондиционеров и коротких реплик диспетчеров. Утром любого дня заняты абсолютно все сотрудники. Перед каждым два дисплея. На первый выведена картинка с видеокамеры рядом с определенным тайм-лифтом, чтобы контролировать процесс загрузки. На второй – информация с датчиков нуль-камеры. Пока тайм-оператор проверяет билеты, размещает пассажиров в кабине, диспетчер готовит систему к прыжку, связывается с пунктом назначения. Или сам отвечает на запрос и принимает тайм-лифт в свободную нуль-камеру.

Борис обвел взглядом зал: между столами никто не маячил – так проводит свое рабочее время Кибрик.

– Где шеф? – Егоров наклонился к парню, который сидел за его бывшим столом в его бывшем кресле. Быстро же нашли замену: профессия диспетчера ценится в обществе, в претендентах недостатка нет.

– Курит, – ответил новичок, не отрывая взгляд от компьютеров.

Борис нашел Кибрика на служебной лестнице.

– Ну, что, пришел покрасоваться? – хмыкнул Аркадий, поздоровавшись с Егоровым.

Диспетчерам полагается носить форму: белая рубашка, синие брюки и такого же цвета галстук. А вот дальше начинаются различия: у простых смертных заковка на галстуке серебряная, а у обслуживающих VIP-терминал – золотая. Но парни «под куполом», исключая новичков, принципиально форму не носили. Протестуя против социального расслоения внутри одного коллектива, ходили на работу в джинсах и футболках.

Хотя протестом это можно назвать условно: высокое начальство к ним никогда не заглядывало, ну а Кибрик не в счет, он свой, сам начинал с диспетчера.

Вот и Борис до вчерашнего дня являлся «под купол» в разношенных кроссовках, а сейчас – прямо герой рекламного плаката. Рубашка аж хрустит, небось, долго наглаживал.

– Есть с кого брать пример! – пожал он руку Кибрику.

Аркадий машинально поправил узел галстука. Он бы и сам не прочь ходить в более демократичной одежде, но, в отличие от своих подчиненных, иногда вынужден являться пред ясные очи директора таймпорта, поэтому бело-синюю форму надевает ежедневно. Хорошо, что хотя бы со стрелками на брюках возиться не приходится, давно заключил обоюдовыгодное соглашение с женой: он мусор выносит, она вывешивает по утрам готовый к выходу костюм.

– Если передумал и решил назад вернуться, – Кибрик ткнул сигарету в дно железной банки, – поздно. Твое кресло уже сдал другому.

– Видел новичка. Надеюсь, такой же зануда, как и я, – пошутил Борис. – Но я не на смотрины пришел. В комнате отдыха торт оставил и фрукты. Пусть ребята угостятся. Пять лет все-таки вместе оттрубили.

– Сладости? А ничего покрепче не припас? – подмигнул Аркадий.

– Почему же? И чай черный в жестянке принес, настоящий, – Борис знал, что намеки Кибрика так, игра.

Спиртные напитки исключались в любых количествах – диспетчер всю смену в напряжении. Из вредных привычек со скрипом, учитывая, что сотрудники – сплошь мужчины, разрешалась только одна – курение. И то, в строго определенном месте, в закутке на лестнице.

– Удачи на новом месте, – Кибрик похлопал Бориса по плечу и заторопился в зал. – Если от торта что останется, занесу.

Начальник диспетчерской службы (а в ночное время его заместитель) обязательно один раз за смену навещал подчиненных «на земле».

Борис бросил взгляд на часы и понял, что и ему пора бежать. И, немного помедлив, распахнул дверь в пассажирский терминал. Подобный момент всегда будоражил – этот резкий переход от относительно приглушенного звука диспетчерского зала к грохочущему водопаду людского хаоса.

Поднимающиеся и опускающиеся эскалаторы, лифты, снующие по башням вместе с пассажирами, которые перегружены багажом. Вроде здесь работали логистики. По их рекомендации тайм-лифты разместили по принципу: чем менее популярен маршрут, тем он выше уровнем. И все равно количество народу зашкаливает на всех этажах.

Хотя другое предложение специалистов оказалось здравым. Поток пассажиров разделили по трем башням: «А» и «В» предназначены для внешних рейсов. Через зону «А» осуществляется связь с таймпортами на территории двух Америк, Африки и Австралии, зону «В» – с городами Евразийского континента. А вот третья башня – «С» работает только на внутренние линии.

Хотя для нуль-камер безразлично, в какую сторону они ориентированы, и прыгать в заданную точку можно с любого этажа. Но такое разделение упрощало пассажирам, особенно транзитникам и иностранным гостям, поиск нужного тайм-лифта.

Спустившись на первый этаж и свернув направо, Борис попал в VIP-терминал. Диспетчерская в самом его начале.

Навстречу поднялся из-за стола Андрей – чья смена только что закончилась.

– Привет! – мужчина снял наушники и потянулся, расправляя плечи. – И ночь, и утро выдались спокойными. Того же и тебе желаю.

Борис сел в кресло, ввел в компьютер индивидуальный семизначный код. Машина выдала дежурное приветствие.

– Ну, новичок, не отправь VIP-лифт в грузовой док, – кивнул на прощание Андрей и исчез в коридоре

Как актер боится забыть роль, так диспетчеру снится кошмарный сон про то, что он неправильно ввел координаты точки назначения.

Тем более что однажды такая история реально приключилась.

На заре практической нуль-транспортировки VIP-лифт по ошибке диспетчера попал в пункте назначения в грузовую нуль-камеру. Когда открылись двери, очень известные особы, забыв о присущей им важности, завизжали от ужаса. Кто пытался спрятаться за креслом, кто вжимался в стены. За дверью их встречали... пара слонов, десяток обезьян и попугаи в клетках (к переезду готовился цирк), которые в свою очередь тоже испугались вопящих двуногих млекопитающих.

Обезьяны запрыгнули в лифт, вцепились в волосы изысканным дамам, а олигархические дети залезли на клетки и переругивались с попугаями. Люди и звери перемешались, разобраться, кто есть кто, стало трудно, потому что все вели себя одинаково: орали и носились. Служители цирка, которые отвечали за погрузку животных, с трудом развели пассажиров по сторонам, пересчитали обезьян и поскорее захлопнули двери лифта.

Можете представить, как выглядели VIP-персоны, когда, наконец, выгрузились в нужной точке таймпорта. Сколько судебных исков потом пришлось пережить корпорации, сколько выплатить компенсаций, причем людям гораздо больше, чем животным.

Хотя неизвестно, кто перенес большой стресс. Говорят, одного из попугаев пришлось разжаловать из артистов, он позабыл приличный словарный запас и выражался только с помощью ненормативной лексики.

После этого дорогостоящего марафона все программы переписали, грузовые и пассажирские рейсы больше пересечься не могли. Но «обезьянья история» продолжала жить в устном творчестве диспетчеров и служила главным предостережением: не перепутай!

Борис проверил на левом дисплее графу заявок. Пока пусто, нет запросов и на прием прибывающих в столицу гостей. Пробежал глазами общий информационный бюллетень.

Каждый день в таймпорте 2—3 нуль-камеры становятся на профилактику. Диспетчеры проверяют их работу в холостом режиме. Чем спешат воспользоваться техники.

Втискиваясь в промежутки между вспышками, они меняют кабины тайм-лифтов, спуская или поднимая их по фасаду «комодов». В ангаре кабины тщательно продезинфицируют, потертые плиты на стенах или полу заменят новыми,отрегулируют двери.

Так, сегодня не работают нуль-камеры на 5 уровне в башне «А» и на 2 уровне в башне «С». Кибрик, скорее всего, поручил их прогонку новичку, подумал Борис. Аркадий любит нагружать людей постепенно. Чтобы привыкали.

Егоров встал из-за стола, налил в кружку остывший кофе – то, что случилось от смены напарника. Будет обидно, если день вообще пройдет без пассажиров. Четверг, после 11 утра наступает глухое время для важных персон. Жены и дети олигархов, если им захотелось на шоппинг в Рим или спа-процедуры на Кипр, уже проскочили с помощью Андрея. Теперь

только к вечеру могут появиться клиенты, если где значимая премьера, например, в Венской опере или в Лондонском Альбертхолле.

Обидно начинать новую работу с безделья.

Борис вновь устроился в кресло, откатился от стола в центр комнаты. Интересно, как отнеслась бы Алла к его назначению?

Он работал тогда в одной из лабораторий корпорации «Bonk & Brothers» (сокращенно «В&В»). Их отдел по всем срокам уже должен был завершить важный проект: производственники ждали программное обеспечение для нуль-камеры, которая при поиске пространственных дыр потребляла бы меньше энергии. Удешевление билетов увеличило бы поток пассажиров и количество рейсов. А значит, выросли бы доходы корпорации. Но каждый раз при тестировании новой программы Борис находил ошибку. Всё в который раз приходилось начинать сначала.

Егоров бродил по лаборатории в мятом давно уже не белом халате, не выспавшийся, хмурый и не бритый. Даже домой уходил редко. Его жизненное пространство съежилось до размеров компьютера.

И вот однажды, когда Борис случайно повернул голову от дисплея в поисках кофейной кружки, рукой он ее на привычном месте не обнаружил, но увидел напротив симпатичное лицо в обрамлении копны волос цвета летнего солнца. Настоящая, как в американском кино, блондинка!

Егоров тряхнул головой, отгоняя, по его мнению, остатки волшебной галлюцинации. Но блондинка неожиданно выплыла из-за стола.

– Принести вам кофе? Я тоже иду к автомату, – пропела она.

Оказалось, что блондинка – такой же программист-разработчик, как и сам Егоров, что она уже неделю работает в их отделе, и зовут ее Алла.

Алла Млечина. Если и знать, что случилось потом, это были самые счастливые дни в жизни Бориса Егорова. Даже неразрешимая задача, кишевшая до сего момента блохами-ошибками, вдруг рядом с ней выстроилась в стройную нить команд. Нет, Алла, как и все остальные в отделе, прописывала свой кусочек цепочки, а собирал воедино и подбирал нужные варианты Борис, но все равно делал он это гораздо быстрее и вдохновеннее что ли.

Теперь в его рабочих сутках появились частые просветы: так он называл про себя получасовые перерывы, которые они обязательно устраивали с Аллой, чтобы попить кофе, пообедать в столовой, или просто посидеть и поболтать на лавочке во дворе.

Последнее ему нравилось больше всего: солнечный свет в такие моменты запутывался в ее волосах.

Через полгода практически готовую программу первой он показал Алле. Так ему захотелось. Хотя других вариантов не было: все сотрудники уже ушли домой, на добровольное ночное бдение они остались традиционно вдвоем.

– Перешли мне, я еще раз проверю, – серые глаза, как показалось Егорову, посмотрели на него с нежностью. – А тебе нужно отдохнуть. Утром обрадуем начальство.

Утром, да уже утром, решил про себя Борис, он сделает то, о чем мечтал последнюю неделю. Он зашел в ювелирный магазин, купил кольцо с белой жемчужиной – блондинкам должен нравиться жемчуг, надел костюм, галстук и вернулся в лабораторию.

Откашлявшись, он промямлил, сейчас даже трудно вспомнить, что конкретно он тогда сказал, но это должно было походить на предложение руки и сердца.

– Извини, – голос Аллы вдруг потерял привычную мягкость, в нем появились незнакомые, металлические нотки. – Но ты мужчина не моего романа.

– Чем уж так не угодил принцессе? – Егоров уперся глазами в пол, он не ожидал столь холодного отпора, хорошо, что не успел достать из кармана бархатную коробочку.

– Я не хочу связывать свою жизнь с клиническим неудачником. А ты относишься как раз к такому типу людей: сколько бы не покупал лотерейные билеты, никогда не выигрываешь.

Да, он сам рассказал ей в порыве откровенности, что никогда, ни разу в жизни не выиграл в лотерею. Хотя продолжал приобретать билетики раз в месяц, когда приходил в банк оплачивать коммунальные платежи.

Из жалости к тамошней «девушке за окошком», которая безуспешно пыталась распространить среди клиентов «кусочки» счастья.

Но почему из-за подобной мелочи ему отказано в праве любить?

– Забудем этот разговор, – Алла поправила копну волос цвета солнца. – Нам пора к начальству в кабинет. Тебя только ждали.

Борис, так и не подняв головы, дошел до стеклянной двери.

– Теперь все в сборе, – как-то слишком восторженно объявил шеф. – Поздравляю, программа закончена и одобрена. Всему отделу – премия!

Народ бурно зааплодировал.

«Программа одобрена? – очнулся Борис. – Они её что ли сами из компьютера достали?»

– Но это еще не все новости, – продолжал речь босс. – Меня переводят в дирекцию, а начальником отдела назначили Млечину. Ведь благодаря Алле удалось решить проблему, над которой мы так долго бились. Мои поздравления!

Откуда-то появилась бутылка шампанского, хлопнула пробка и пенящаяся жидкость потекла в подставляемые стаканы.

«Вот почему программа *уже* принята, – сжал кулаки Борис, – Алла сдала готовую, как свою».

И что делать? Заявить всем, что Млечина украла его работу? Девушка, которой он пять минут назад сделал предложение и которую пять минут назад, был уверен, безумно любит, его просто использовала?

Егоров развернулся на 180 градусов, тихо выскользнул в коридор, оттуда на улицу.

На бордюре у забора сидела непонятного возраста бомжиха. Разложила на обрывке газеты хлеб, колбасу и огурец, приготовившись позавтракать на свежем воздухе.

Егоров прошагал мимо, но вдруг остановился и вернулся обратно. Он достал из кармана бархатную коробочку и молча положил ее рядом с батоном. Женщина вопросительно посмотрела на странного прохожего. Но Борис махнул вместо объяснений рукой и побежал прочь.

Больше он в лаборатории не появлялся.

Сидел безвылазно дома. Пока не позвонил Кибрик, они дружили с аспирантуры (каким образом и что конкретно узнал Аркадий про трагедию Бориса, Егоров никогда потом не спрашивал), и не зазвал на работу в таймпорт. В диспетчерской всегдалюдно-суетно. Это отвлекло Егорова. Тем более что прошло пять лет. Егоров уже не так часто думал об Алле, но все равно иногда мысленно разговаривал с ней.

Так что бы она сказала, узнай, что его перевели в VIP-терминал? Можно это назначение назвать, наконец, удачей?

«Нет, – Егоров с досады стукнул по подлокотнику кресла, – пора освободиться от Аллы. Что бы он ни сделал, он никогда не будет для нее хорош. Такие женщины ищут других мужчин».

– У тебя пассажир, – вдруг раздался в наушниках голос VIP-регистратора. – Ввожу маршрут. – На дисплее появилась заполненная по всем правилам заявка: имя и фамилия, пункт назначения. – Обрати внимание, очень симпатичная девица.

– Не болтай, – назидательноотреагировал Егоров, сотрудникам категорически запрещалось обсуждать клиентов. – А то лишишься тринадцатой зарплаты в конце года.

Борис стал вводить на другой дисплей координаты прямого прыжка, запрашивать разрешение на прием рейса в Коктебеле. Но не удержался, посмотрел на картинку с видеокамеры:

к кабине в сопровождении трафик-оператора подходила стройная девушка в легком белом сарафане и босоножках на тоненькой шпильке.

И как можно ходить в таких башмаках? Может, есть курсы, где подобному мастерству специально учат?

– Добрый день, госпожа Стрижевская, – произнес в микрофон Егоров, как только двери кабины закрылись. – Спасибо, что решили воспользоваться услугами компании «Bonk & Brothers», – диспетчер понимал бессмысленность дежурного приветствия, практически все крупные таймпорты мира принадлежали одной корпорации, но протокол переговоров с VIP-пассажиром требовал безусловное воспроизведение каждого пункта, как и... неизменную улыбку на лице во время диалога. – Разрешите уточнить: вы уже путешествовали с помощью тайм-лифтов?

– Борис, встречай гостей, – раздался за спиной знакомый голос Кибрика.

– Что, уже так быстро съели торт? – Егоров, параллельно слушая ответ клиентки, отключил громкую связь и обернулся. – Ой, профессор! Здравствуйте! – узнал он своего аспирантского преподавателя.

– Неожиданно позвонил Виктор Николаевич и попросил проводить в VIP-диспетчерскую, – объяснил Аркадий. – Его внучка в данный момент у тебя на дисплее.

Вот почему фамилия первой пассажирки показалась Егорову знакомой.

– Волнуюсь, – смущенно произнес Стрижевский.

– И зря, – Аркадий подвел гостя к пульту управления. – Сами знаете, надежность сто-процентная.

Егоров поддержал слова главного диспетчера, несколько раз кивнув головой, и снова включил связь. Ему еще нужно объяснить девушке, что произойдет через несколько минут, и услышать подтверждение маршрута. Клиенты VIP-зоны имеют право передумать и в последний момент назвать другой таймпорт назначения. И диспетчеру придется быстро поменять координаты прыжка.

Но, пассажирка осталась верна выбранному изначально маршруту. Теперь можно считать, что все формальности соблюдены.

– Включаю двигатели силового поля, – Борис нажал на клавишу «Пуск». – Счастливого пути, Маргарита!

Глава 5

ЗАЗВУЧАЛА тихая музыка, Рита закрыла глаза, поднесла к губам шампанское. Повертелась в кресле.

Большой палец на правой ноге заныл, нет, зря она надела шпильки. Решила, что нелепо разгуливать по VIP-терминалу, где обитают исключительно клиенты из списка «Форбса» и те, кто вот-вот в него прорвется, в дешевых баретках. Достала из шкафа купленные на распродаже по настоянию Анжелы, но ни разу не надеванные шикарные босоножки, состоящие из пары блестящих лямок и длиннющего каблука. Теперь вот стопа онемела.

Рита встала и попыталась размять ногу: сначала уперлась носком, потом с силой нажала на пятку. В этот момент шпилька, словно острый гвоздь в масло, вошла в паз между двумя напольными плитами. Конечно, Рита могла расстегнуть лямки, снять застрявшую туфлю, руками раскатать каблук, и спасти обновку. Но времени остается так мало, вот-вот откроется дверь за спиной в черноморском таймпорту, хорошо же она будет выглядеть перед тамошним трафик-оператором, ползая по полу.

И девушка с силой дернула ногу.

Не удержалась, потеряла равновесие, попыталась ухватиться за стол. И по пути смахнула стоящий у самого края бокал. Нет, падать посудине не высоко, да и плиты на полу мягкие – стекло не разбилось, зато шампанское вылилось и тонкой струйкой протекло прямо под шпильку.

Под полом раздался подозрительный треск, запахло горелой резиной. Через мгновение плита, словно кто-то снизу по ней ударил молотком, подскочила, освобождая застрявший башмак. Рита плюхнулась обратно в кресло и в ужасе накрыла голову руками.

Вокруг творилось невообразимое. Друг за дружкой стали отлетать и плиты со стен, с потолка вывалились провода, рассыпая водопадом искры. Кабину заволочло дымом. И тут же открылась дверь, через которую Рита вошла.

Девушка истерично расхохоталась. «Говорите, 15 лет без происшествий? – вытирала она текущие из глаз слезы. – Давно бы меня позвали. Я та – кто испортит любую статистику».

Вот спросите, почему на той неделе на нее орал начальник? Да потому что у Риты «сгорел» компьютер. Второй с начала года.

Техника уже давно ненавидит такого пользователя как Маргарита Стрижевская. Искренне и упорно. Если Рита берет в руки телефонную трубку, то линия обязательно занята или связи нет. Если девушка включает стиральную машину или – о, ужас! – электрочайник, то вырубается свет во всей квартире. Про телевизоры и говорить нечего.

Костик, прознав про ее планиду, раскошелившись уже на третий «голубой» ящик, установил агрегат в кухне, высоко под потолком и хранил пульт у себя в кармане. А еще составил список вещей – от печки СВЧ и тостера до музыкального центра и DVD-проигрывателя, к которым запретил Рите не то, что прикасаться, сидеть рядом.

Корпорация утверждает, что тайм-лифты не интересны террористам? Ха-ха, просто бородатые бандиты еще не познакомились с госпожой Стрижевской. Кто еще кроме нее догадается шпилькой от шикарной босоножки пробить напольную плиту и повредить оболочку кабеля, затем случайно пролить в образовавшуюся дырку шампанское и устроить феерическое короткое замыкание?

«Даже уехать нормально не можешь, – продолжала пилить себя Рита. – Бедный дед! И ему репутацию испортила. Ладно, пора выбираться».

Девушка подхватила чемодан, выкатила из лифта и намеренно свернула направо – к небольшой нише за кабиной. Сейчас начнется переполох, так и пострадать недолго. Поэтому лучше не маячить на дороге.

Тут же мимо нее, чуть не наступив девушке на ногу, с выражением крайнего недоумения на лице, проскочил мужчина в белой рубашке и синем галстуке с золотой заколкой.

– Эй, осторожнее! – только и успела крикнуть безумцу Рита.

Мужчина застыл в дверях лифта, потом резко обернулся.

«Борис Егоров» – прочитала Рита надпись на бейджике. Значит, это тот несчастный, который отправлял ее в путешествие? Что ж, она почти угадала: широкие плечи, темные глаза, только щеки гладко выбриты. И почему девушка решила, что должна быть трехдневная щетина? Это же VIP-терминал, особый статус.

Хотя в данный момент «фейс» и «дресс» коды сильно подкачали. Волосы на голове диспетчера взъерошены, а узел галстука съехал практически под воротник рубашки.

– У меня всегда все не как у людей, – кисло улыбнулась Рита, пытаясь разрядить обстановку. – Извините.

– Какое-то безумие, – прошептал в ответ диспетчер, схватившись за подбородок. – Ни в одном протоколе нет подобного. Мы на тренажерах отрабатывали разные экстренные ситуации, но ничего похожего.

Следом в коридоре показался запыхавшийся дед, рядом с ним шел еще один незнакомый мужчина.

– Почему все разрушилось? – Виктор Николаевич, даже не взглянув на внуку, влетел в кабину.

– Дед, извини, – Рите уже надоело, что все обеспокоены больше судьбой оборудования, чем ее собственной. – Но я честно ничего не трогала. Оно само. А... – махнула девушка рукой, ее все равно никто не слушает, – дед, я поехала домой. Видно, не судьба побывать на море. Как-нибудь в другой раз.

Раздосадованный академик не обернулся.

«И чего обижаться?», – пожала плечами Рита, вновь взялась за чемодан и повезла его к выходу. Навстречу бежали все новые и новые персонажи: судя по форме, начальник службы безопасности и главный техник, промчался мимо и сам директор таймпорта – она узнала его по телевизионным репортажам.

Но вот VIP-зона закончилась, девушка с облегчением переступила за красную черту. В большом зале про ЧП, видимо, не знали: остальной таймпорт работал в привычном режиме. Только пассажиров прибавилось.

Рита с трудом прокладывала себе дорогу. Ох, и странные иногда попадаются люди. Слишком торопятся и поэтому по сторонам не смотрят? Один парень буквально наскочил на ее чемодан и с воплем упал на пол. А еще какая-то женщина споткнулась прямо о Риту. И как дед умудрился протащить чемодан без происшествий?

Девушка остановилась у автоматической кассы. Достала из сумки несколько десятирублевых монет – дед вряд ли скоро поедет домой, так что рассчитывать на машину не придется – нажала кнопку рядом с названием нужной остановки и взяла упавший в поддон билет. Хорошо, что вход в подземку тут же, в правом крыле, не придется топтать на неудобных шпильках и с громоздким чемоданом за спиной через людское море.

Девушка приложила билет к считывающему «глазку» турникета, протиснулась через открывшиеся воротца и встала на наклонную движущуюся дорожку. Она спустилась в самый конец платформы, где пассажиров, к ее удовольствию, оказалось мало.

Рита вошла в раскрытые двери полупустого вагона, села в кресло у окна и прикрыла устало веки. Она мечтала сейчас только об одном: поскорее добраться до дома, упасть на кровать и заснуть. Ночью нормально отдохнуть не удалось: спорила с дедом, собирала вещи, надеялась расслабиться уже на море. Но... Забудем о недостижимом.

15 минут спустя поезд помчался к Москве.

Через пару станций в вагон заглянул контролер. Но около Риты не задержался, видимо, заметил, что девушка спит, и решил не будить. «Есть еще на свете добрые люди» – улыбнулась ему в ответ Рита. И в нужный момент вместе с багажом заспешила к выходу, не хватало еще проехать собственную остановку.

Она поднялась на эскалаторе наверх, выбралась на улицу и только тут поняла, что ошиблась. На полном автомате девушка приехала не к себе на Таганку, где жила вместе с дедом и куда сбежала вчера, а к дому Костика, который находится за перекрестком.

Рита растерялась. Спускаться с чемоданом снова в подземку, потом добираться с пересадкой, тащиться на высоких каблуках по ступенькам? Не лучше ли, раз уж она все равно оказалась здесь, дойти до Костика? Там она сможет, наконец, переобуться, немного отдохнуть, а потом вызовет такси и поедет к деду.

Рита поискала в сумочке: ключи от квартиры бывшего кавалера по-прежнему лежали в боковом кармашке. Нет, а как же ее решение никогда больше с Костиком не общаться?

Но ни о каком общении речь не идет. Сейчас Костик должен работать в офисе. Рита лишь проведет в квартире пару часиков и уедет. Так, уговаривая и успокаивая саму себя, Рита добралась до блочной девятиэтажки.

Первым делом скинуть ненавистные шпильки – под столиком в прихожей по-прежнему лежали ее мягкие тапочки. Надо же, Костик их не выбросил. Хотя грозился избавиться от всего, что напоминало о ней.

Нет, все же он в душе хороший человек, внимательный, три раза в год: на день рождения, на 8 Марта и на День святого Валентина дарил цветы. Изысканные и дорогие орхидеи. Хотя она предпочла бы розы, но какая разница, что нравилось Рите, главное – внимание.

И почему у них с Костиком так нелепо все сложилось? Анжела столько раз твердила: Костик – не просто мужчина, а подарок, такой заботливый, обстоятельный и в то же время хрупкий, нужно помнить об этом и никогда человеку не перечить. А если подруга права? Рита ушла в порыве отчаяния, и по сути даже не дала возможность высказаться Костику.

Может быть, стоит сесть и по-хорошему все обсудить, они поймут друг друга, поймут, что оба были не правы? И найдут новые точки соприкосновения?

Рита, мечтавшая еще недавно поспать, так и не прилегла.

Она ждала Костика и, чтобы скоротать время, занялась готовкой. Примирение лучше начинать с положительных эмоций. А что взбодрит мужчину, вернувшегося с работы домой, как не ароматы изысканных блюд? Они устроят ужин не на кухне, а в комнате.

Рита достала скатерть, зажгла свечи, поставила в центре стола бутылку вина. Разложила тарелки, приборы, порезала хлеб, принесла миску салата – Костик обожает свежие овощи и зелень. В духовке курица постепенно покрывалась румяной корочкой.

За окном длинный летний день, наконец, догнал ночь, свечи на столе догорели и оплыли, а Костик все не приходил. Расстроенная и утомившаяся – даже не осталось сил, чтобы поесть, что наготовила, – Рита ушла в спальню и, не сняв сарафан, рухнула на кровать. Судя по всему, у Костика запарка на службе. И он не придет.

Ладно, отложим разговор до завтра.

Рита спала крепко и очнулась только тогда, когда услышала звук поворачивающегося в двери ключа. Бросила взгляд на часы – похоже, на улице уже в разгаре новый день!

– Костик, я так тебя ждала! – обрадованная Рита босиком выскочила в коридор.

И тихо вскрикнув, вжалась в стену: Костик вернулся не один. Присев на столик в прихожей, он сжимал в объятиях... Анжелу.

– Хочу заметить, – мужчина игриво чмокнул гостью в губы, – что ночь, как и предыдущие, прошла на редкость удачно.

– Потому что ты неотразим, – проверещала гостя, и зазывно потерлась щекой о мужскую грудь.

– Требую повторения банкета, – отреагировал Костик. – Спальня за моей спиной. У меня ты еще не раздевалась.

– Не смейте! – сжала побелевшие кулаки Рита и сделала два шага к обнимавшейся парочке. – Это жестоко!

– Да, но есть одна сложность, – Анжела обхватила лицо Костика ладонями. – Стрижевская постоянно будет маячить между нами.

– Рита? – Костик повернул голову в сторону бывшей пассии, на мгновение задумался. – Рита? Не обращай на нее внимание. Она, наконец, поняла, что лишняя и ей пора уйти из моей жизни. Эту страницу я перевернул задолго до того, как чудачка собрала свой мало эстетичный чемодан. Девушка, кстати, явно не здорова, – поморщился, вспоминая недавний инцидент, хозяин квартиры, – выкинула на прощание в окно мой эксклюзивный галстук, безумно дорогой.

– Но она моя лучшая подруга, – хихикнула Анжела и тоже посмотрела на притихшую в углу девушку.

– Пора подумать о нас двоих и о том, что произойдет в спальне в ближайшие пять минут, – Костик подхватил Анжелу на руки и торжественно прошествовал мимо Риты напрямик к кровати.

Такого унижения Рита никогда не испытывала. Судя по всему, у Анжелы с Костиком давно интимные отношения. Вот от кого «лучшая подруга» знала, что Рита вернулась к деду.

Оскорбленная девушка швырнула на пол ключи, застегнула на ногах ненавистные босоножки, схватила чемодан за выдвижную ручку и вытолкала его на лестничную площадку. Выскочила на улицу и только тут громко разрыдалась.

Продолжая размазывать слезы по лицу, она остановилась у обочины, замахала рукой, пытаясь поймать частника – настоящее такси в столице можно вызвать только по телефону. Но автомобили, даже не притормаживая, равнодушно проносились мимо. Придется спускаться в подземку.

Опустив голову, никого не замечая, Рита побрела в сторону метро.

– Мама, – вдруг раздался за спиной детский всхлип, – меня переехали!

Рита испуганно обернулась: колесико чемодана зацепилось за брючину маленького мальчика, и он упал на асфальт.

– Не говори глупости, – женщина, шедшая с малышом, резко дернула, высвобождая штанину, и подняла ребенка. – Смотри лучше под ноги.

– Простите, это моя вина, – Рита остановилась и прижала чемодан к стене магазина.

Но женщина, никак не отреагировав на реплику, молча прошагала мимо.

Рита устало подняла голову и механически уперлась глазами в витрину. Сквозь стекло угадывались темные силуэты продавщиц, которые раскладывали на полках товар. Но яркое солнце так заливало зеркальную поверхность, что Рита увидела и отражение вывесок с дома напротив.

Отражение как отражение, обычные солнечные блики. Но... что-то в картинке на стекле складывалось не так. Чего-то не хватало.

Когда Рита, наконец, поняла, чего именно, то застыла в немом ужасе.

Глава 6

– ВКЛЮЧАЮ двигатели силового поля, – сказал Борис и нажал на клавишу «Пуск». – Счастливого пути, Маргарита!

В наушниках раздался равномерный гул – заработали моторы, им предстояло выкатить нуль-камеру к точке прыжка. Егоров немножко позавидовал Рите – еще каких-то минут пять и девушка окажется в Коктебеле, на берегу Черного моря.

Диспетчер снял наушники и сосредоточился на правом дисплее – нужно составить запрос на возвращение VIP-лифта обратно в Москву. Но Борис успел лишь коснуться пальцами клавиатуры, как оба экрана, испуганно мигнув, внезапно погасли.

Егоров еще какое-то мгновение бесполезно всматривался то в один экран, то в другой, надеясь, что «мигнуло» в его голове, а не в компьютере, потом спешно полез под стол, продолжая успокаивать себя, что ничего страшного не произошло, всего лишь кабель где-то отошел или выскочила вилка из розетки.

Но в следующий миг завывла сирена, на пульте управления вспыхнула красная лампочка. Следом включилась аварийная система питания, и умершие дисплеи стали загружаться снова.

Аркадий пришел в себя первым (сработала многолетняя диспетчерская выучка – ЧП может свалиться на голову в любой момент) и, подбежав к столу, набрал личный код. По правому экрану бежали строчки программы, но поверх нее прямо в центре ярко выделялась надпись – «Сбой системы».

На левом мониторе застыла картинка – сквозь открытые двери тайм-лифта валили черные клубы.

– Что, что случилось? – Виктор Николаевич тоже оказался рядом с мониторами и попытался перекрычать вой сигнализации. – Пожар?

– Огня нет, – Аркадий сосредоточенно продолжал рассматривать на экране кабину. – Только дым.

– А Рита? Рита успела попасть в Коктебель? – взволнованный академик вцепился в локоть главного диспетчера.

– Нет, прыжок не состоялся, видите – кабина вернулась обратно, – Егоров уже успел подняться с пола. – Программа только начала отсчет, – Борис показал на правый дисплей, – как тут же произошел сбой. Возникла аварийная ситуация, входная дверь лифта открылась. Раз пассажирки в кабине не видно, значит, девушка уже выбралась наружу, за дымом мы ее могли не заметить.

– Но где, где она? – старик нервно перескакивал глазами с одного экрана на другой.

– Вероятнее всего, ваша внучка находится вне зоны покрытия видеокамеры, – догадался Аркадий, – и сейчас очень напугана. Пойдемте, успокоим девушку.

Но раньше старика в коридор выскочил Борис.

Да, повезло, нечего сказать. Первый день на новом месте и – ЧП. О происшествии уже знают все службы таймпорта: система оповещения в экстренных ситуациях автоматически сбрасывает информацию. И, значит, люди в курсе, что именно в смену диспетчера Егорова вышел из строя VIP-комплекс.

Агрегат, стоящий сумасшедших денег и который до сих пор ни в одном городе не ломался! Да имя Бориса станет нарицательным, «казус Егорова» внесут в учебники отдельной главой.

Раздосадованный диспетчер влетел в лифт и застыл на пороге.

Вблизи кабина выглядела еще более удручающе, чем на дисплее: сверху свешивались, словно спутанные лохмы панка, кабели, напольные плиты вздыбились, под ногами хрустели

куски потолочного покрытия. От дыма запершило в горле, Егоров высунулся в коридор, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Какое-то безумие, – прошептал он, в бессилии схватившись за подбородок. – Ни в одном протоколе нет подобного. Мы на тренажерах отрабатывали разные экстренные ситуации, но ничего похожего.

Добрались до лифта и Кибрик со Стрижевским.

– Почему все разрушилось? – запыхавшийся академик, оттолкнув Бориса, влетел в кабину.

Навстречу Рита ему не попала, не заметил никого он и рядом с тайм-лифтом. И старик, как мог, гнал прочь от себя страшную мысль: а если сейчас он обнаружит на полу обгоревший труп внучки?

Но, судьба сжалилась над Виктором Николаевичем: внутри валялось много всякого хлама, только никаких тел. Значит, по крайней мере, девочка жива. Можно перевести дух и успокоиться самому.

Академик достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Позвоните позже», – продолжил вежливый механический голос.

Куда могла подеваться Рита? Бедный, испуганный ребенок, скорее всего, направился домой. Стрижевский заторопился на парковку, продолжая на ходу набирать номер внучкиного телефона.

Но рядом с машиной девушки не оказалось. Стоп, ведь Рита не знала, что дед захочет из диспетчерской проследить ее «прыжок в отпуск», значит, сейчас добирается до города самостоятельно, например, на поезде.

Виктор Николаевич завел мотор и порулил в сторону столицы.

Борис вернулся в диспетчерскую, схватил со стола ноутбук и помчался обратно к разоренной кабине.

На месте ЧП уже воцарился относительный порядок. Начальник службы безопасности успел натянуть по периметру лифта желтую предупреждающую ленту. Рядом с кабиной с блоком в руках топтался главный техник, пытаясь выяснить, сможет ли его команда и как быстро вернуть агрегату товарный вид. Директор таймпорта слушал объяснения Кибрика.

Хорошо, что Аркадий взял официальную часть протокола на себя. Поэтому Борис смело приподнял ленту над головой и проскользнул к кабине. Вентиляторы уже рассеяли дым, в лифте можно работать вполне комфортно.

Егоров снял со стены болтающуюся на одном шурупе панель, подключил компьютер напрямую к системе и стал тестировать узлы один за другим. В каком же из них случился сбой?

Ему никто не мешал. Только иногда отвлекали распоряжения директора, которые тот отдавал по радиации резким громовым голосом: оповестить пассажиров через средства массовой информации, что VIP-рейсы по техническим причинам на сутки отменяются; но сам столичный порт продолжает работать в обычном режиме.

Виктор Николаевич нервно ходил по комнате: после аварии прошло уже восемь часов. Рита давно должна была доехать до дома, но девочки до сих пор нет. Скрипя зубами, академик снял трубку и набрал номер Анжелы.

– Нет, с вашей внучкой после утренней перебранки не общалась, – жестко ответила подруга на вопрос старика – их неприязнь была обоюдной. – Кстати, можете и Костика не искать, – добавила загадочно девица. – Я точно знаю, что и ему Рита не звонила.

Нет, он не может сидеть тут и терпеливо ждать. Чувствует сердце, что-то все же произошло в VIP-терминале. Только на месте он сможет узнать, куда подевалась Рита. И Стрижевский вновь схватил ключи от машины.

До таймпорта он добрался уже после полуночи.

В VIP-зоне, не смотря на поздний час, продолжалось бурление. Рабочие в форменных комбинезонах грузили на тележки металлические ящики-блоки: чуть ближе к красной линии монтировали другую нуль-камеру. Вспыхивали искры сварки: подводились рельсы для доставки нового тайм-лифта к точке прыжка.

Со склада срочно привезли замену. Понятно, запасной VIP-кабины в ангаре не нашлось, такие дорогие «игрушки» делают только по спецзаказу, одну на порт. Поэтому решили переоборудовать на время обычную кабину: подобрали деревянные панели для стен, раздобыли особые плиты для пола и потолка, не забыли импортные ароматизаторы.

Стрижевский прошел дальше по коридору и вдруг уперся в стену, которой еще днем здесь не было. За гипсокартоновой перегородкой, которую возвели по приказу директора таймпорта, скрыли от посторонних глаз зону недавнего ЧП.

Около двери топтался плечистый охранник.

– Сюда нельзя, – загородил вход культурист в тесном пиджаке.

– Моя фамилия Стрижевский, – стал объяснять Виктор Николаевич. – Я имею непосредственное отношение к тому, что случилось днем.

– Предъявите пропуск, – потребовал «человек на посту».

Академик тяжело вздохнул: такую преграду ему не преодолеть, но потом, достав из кармана телефон, принялся листать «меню». В памяти мобильного хранится телефон Кибрика – Аркадий никак не мог уйти домой, следовательно, есть надежда, что бывший аспирант поможет с пропуском.

– Виктор Николаевич! Какая удача! – неожиданно распахнулась дверь, и навстречу Стрижевскому вышел Дмитрий Бонк – главный владелец корпорации «V&B». – Мой помощник безуспешно пытается до вас дозвониться.

Академик удивился столь радушной реакции. Нет, с бизнесменом они протольно познакомились 20 лет назад, когда Бонк заинтересовался гипотезой Стрижевского. Но дружбу никогда не водили, лишь дипломатично раскланивались, если пересекались на торжественных мероприятиях. Да, и еще олигарх присылал сухую поздравительную открытку к каждому Новому году. Видимо, Стрижевский входил в список «нужных» персон, который составили и внимательно отслеживали в администрации магната.

– Жаль, что приходится встречаться при чрезвычайных обстоятельствах, – Дмитрий подхватил академика под руку и повел его обратно к красной линии. – Но никто не застрахован от неудач. Главное – выбраться из неприятной истории с наименьшими потерями. Рассчитываю на вашу помощь. Мне сообщили, что сюда движется армада журналистов. Стервятники учуяли добычу. Только пылу у них поубавится, когда увидят нас вдвоем, спокойных и уверенных.

– Разбирайтесь с прессой сами, – резко остановился академик. – Я не связан никакими обязательствами с корпорацией. У меня и так голова идет кругом.

– Начальник службы безопасности, – опять мягко, но настойчиво Бонк взял Стрижевского под локоть, – доложил мне, что во время несостоявшегося прыжка в лифте находилась ваша внучка Маргарита. Кстати, они внимательно просмотрели запись видеокamera: девушка VIP-терминал не покидала.

– Что, значит, не покидала? – замер на месте старик.

– Пока не знаю, что это значит и как относиться к подобному факту, – пожал участливо плечами бизнесмен. – Но в моих силах сделать все, чтобы найти ответ на сложный вопрос. И тем самым обнаружить и вашу внучку. Сейчас к проштрафившейся нуль-камере подвезли мощное диагностическое оборудование. Я вызвал лучшего специалиста корпорации, автора программы. Вам выпишут спецпропуск, сможете и сами принять непосредственное участие в работе. Но если откажетесь от сотрудничества, я не смогу вам ничем помочь и все данные будут элементарно засекречены. Бизнес, ничего личного.

Стрижевский вздрогнул: не подслушивал ли вчера Бонк, когда Виктор Николаевич успокаивал внучку? Бедная Рита, что же с тобой случилось?

– Что я должен делать? – академик понял, что загнан в угол.

– Совсем другой разговор, я знал, что мы – интеллигентные люди и сможем договориться, – удовлетворенно констатировал Бонк. – Итак, сейчас журналисты кинутся выуживать информацию. Мы должны скрыть правду о ЧП. Если сообщение об аварии выплывет наружу, люди по всему свету побоятся пользоваться тайм-лифтами. Начнется паника, что поставит под удар существование корпорации. Поверьте, и вам достанется. Вы как никак отец-основатель нуль-теории.

– Я лишь ученый, к практическим разработкам отношения не имею, – напомнил Стрижевский. – Еще меньше меня волнуют проблемы, с которыми столкнется ваша компания. Но в данный момент, вы правы, нам трудно обойтись друг без друга. Так какая же красивая версия придумана для акул пера?

– В московском таймпорте ставится VIP-камера новой конструкции, с улучшенными характеристиками, – сразу перешел к делу Бонк. – Поэтому VIP-рейсы на сутки отменены.

– Но журналисты наверняка знают, что не состоялся последний прыжок, – возразил академик.

– Ничего подобного, – самодовольно потер ладони Бонк. – Записи про рейс в Коктебель стерты. Его вообще не было!

У красной линии, сдерживаемые вежливой охраной, толкались корреспонденты и телекамеры. Бонк и Стрижевский попали в свет прожекторов.

– Дмитрий Николаевич, – выкрикнул из толпы молодой парень, – что произошло сегодня в VIP-терминале? Неужели авария? Сколько пострадавших?

– Андрей, вы как всегда торопитесь с выводами, – Бонк хорошо подготовился к пресс-конференции, предварительно изучив список с фамилиями журналистов: бизнесмен знал, как щелкопёры ценят личное обращение. – Да, в таймпорте сегодня кое-что случилось, но совсем не страшное, – послал он в камеры ослепительную улыбку, поставленную дорогими имиджмейкерами. – Мы с коллегами готовили подарок пассажирам и прессе. Но я забыл, что от масс-медиа ничего нельзя скрыть, – игриво всплеснул руками бизнесмен. – Увы, сюрприз не удался. И мне придется обо всем рассказать сейчас. Итак, корпорация «V&V» устанавливает нуль-камеру следующего поколения. Чтобы и так короткое путешествие протекало еще быстрее.

– Странно, – выглянула женщина из-за плеча охранника, – вы и раньше ставили новые нуль-камеры, но никогда не отменяли рейсы.

– Грешен, сам нарушил правило, – парировал Бонк. – Хотел быть уверенным на сто процентов. Система новая, решил проверить в условиях таймпорта, как она функционирует. Поэтому отработали полный цикл – прыжок в точку назначения и обратно.

– А во время проверки в кабине кто-нибудь находился? – задал прямой вопрос репортер информационного Интернет портала и протянул микрофон Стрижевскому.

– Н-нет, – вздрогнул Виктор Николаевич, но тут же взял себя в руки. – Лифтовая камера совершила порожний рейс.

– Наша корпорация никогда не проводит эксперименты над людьми, – надменно произнес Бонк.

– Я пытался найти вашу внучку, – вдруг сказал тот же репортер и снова посмотрел на академика. – Служивцы сообщили, что Рита уехала в отпуск. Не откроете секрет, где она собирается отдыхать и как туда добирается?

– Маргарита... Она... Хотя это сугубо личный вопрос и я не понимаю, чем вызван ваш интерес к персоне моей внучки, но, пожалуйста, нет никакой тайны, – академик судорожно придумывал подходящий ответ, – она... взяла рюкзак и отправилась в поход. Предпочитает наслаждаться природой в тишине и вдали от людей. Даже... даже телефон отключила.

– А почему девушка не воспользовалась услугами таймпорта, чтобы быстрее оказаться на месте? – не отставал журналист.

– Маргарита любит путешествовать по Подмоскovie, – решительно вмешался Бонк и дружески приобнял растерявшегося старика. – Нуль-камеры для прыжков на столь короткие расстояния находятся пока в стадии разработки. Только умоляю, – магнат заговорщически подмигнул корреспондентам, – я вам ничего не говорил! Не заставляйте раскрывать другие секреты корпорации. Меня могут уволить!

Представители прессы оценили оригинальную шутку олигарха и дружно засмеялись.

Глава 7

НАДО отдать должное Бонку: все, что бизнесмен обещал, было сделано быстро и четко.

Стрижевскому выдали такой же, как у Кибрика и Егорова, пропуск – кусочек прозрачного пластика с фотографией. Вокруг пострадавшего тайм-лифта (двери распахнуты, внутри по-прежнему полный разгром), который вкатили обратно в родную нуль-камеру, разместилась временная, но оборудованная по высшему разряду, лаборатория: мощные компьютеры, измерительные приборы, инструменты, для сравнительного анализа – новые, неповрежденные узлы агрегата. Специально для академика поставили самостирающуюся доску.

Стрижевский, успевший немного подремать в комнате отдыха персонала таймпорта, вычерчивал один за другим графики. Пытался найти ответ на вопрос: что произошло с объектом, который оказался практически у границы нуль-пространства, но так и не переступил ее.

Рита по-прежнему не отвечала на звонки.

После несостоявшегося прыжка прошло больше суток.

Борис ездил на кресле от одного компьютера к другому и загружал машины программами.

Щелкнул замок, открывая дверь.

– Аркадий, мне нужен архив нештатных ситуаций в нуль-камерах, – не оборачиваясь, крикнул Егоров, уверенный, что пришел Кибрик. Он обещал присоединиться к «лаборантам» после обеда.

– Уже заказала такую информацию, – раздался голос, совсем не похожий на хриплый, прокуренный бас главного диспетчера.

И принадлежать он мог только женщине.

Академик удивлено выглянул из-за доски.

– Алла! Что ты тут делаешь? – вскочил ошарашенный Егоров. Он сразу узнал бывшую пассию, хотя выглядела гостя как-то иначе. – Что случилось с твоими волосами? – внезапно догадался Борис. – Ты теперь не блондинка?

– В моем нынешнем положении, – Млечина по-хозяйски оглядела помещение и, обнаружив свободный рабочий стол, направилась к нему, – требуется более серьезный имидж. Блондинки, с точки зрения обывателей, выглядят легкомысленно. Поэтому последние два года я – брюнетка.

– И что же изменилось в жизни? – Егоров до боли сжал пальцы, чтобы преодолеть предательскую дрожь.

– Меня назначили руководителем Департамента науки в корпорации «V&V», – торжественно скрестила на груди руки Алла. – И, как лучшего специалиста, отправили помочь тебе.

– Как лучшего специалиста? – зашипел Егоров. Сколько раз мысленно он представлял себе сцену встречи, и грубые слова уже готовы были сорваться с языка. – Точнее сказать – ловкого вора!

– Не забывай, – Млечина жестко вскинула брови, – я тоже корпела над программой. Наравне со всеми. И, если тебе не терпится обсудить прошлое, мы как-нибудь поболтаем за чашечкой кофе. Но только после того, как разгребем то, что ты тут натворил. – И, не дав возможность продолжить спор, обернулась к Стрижевскому: – Приветствую вас, профессор. Не обращайтесь на легкую перепалку, мы с Борисом давние соперники. Но умеем работать вместе. Не правда ли, милый? – и гостя послала Егорову воздушный поцелуй.

Борис лишь проскрипел зубами: Млечина, как бы он к ней не относился, права. Именно дежурный тайм-диспетчер виноват в том, что пропал пассажир.

– Я просмотрела предварительный отчет Кибрика, – довольная, что выиграла вступительный раунд, Алла перешла к делу. – Удалось выяснить причину сбоя?

Стрижевский молча развел руками.

– Я протестировал отдельные блоки программы, – Егоров просчитал про себя до пяти, чтобы успокоиться: и, правда, сейчас не время для личных обид. – Зацепиться не за что.

– Внешние факторы? – Млечина, окунувшись в привычную стихию, директорским тоном формулировала кратко вопросы.

– Аркадий получил данные из Гидрометеобюро: солнце спокойно, последняя вспышка случилась, – Борис щелкнул мышкой и вывел на экран текстовое сообщение, – за неделю до аварии. Электромагнитный фон в районе таймпорта в норме, как и радиационный. Связывались с Генштабом. Сверились с графиком запуска ракет. Никаких совпадений.

– Постарались исключить максимальный перечень причин, проконсультировались даже с сейсмологами. Землетрясения в Москве не было. Как и тайфуна или цунами, – грустно пошутит академик.

– Даже звонили в Институт имени Курчатова: вдруг там расконсервировали старый реактор. Но атомщики клянутся, что Конвенцию не нарушали.

– Тогда вернемся обратно к нуль-камере. В какой момент она отключилась? – Алла подошла к тайм-лифту и, не удержавшись, присвистнула: подобного ей видеть раньше не приходилось. Из стен торчали обрывки оголенных проводов, напольные и потолочные плиты свалены горой в центре.

– После команды «Пуск!» система проработала ровно 33 наносекунды, – Егоров сверился с данными на другом дисплее. – Лифт успел лишь зафиксироваться в нуль-камере.

– Но что-то все же случилось за 33 наносекунды. Так, – Алла сняла шелковый пиджак, перекинула его через спинку кресла, расстегнула манжеты на кремовой блузке и закатала рукава. – Покажите мне, что происходило внутри кабины, когда включились двигатели силового поля.

– Внутри нет видеооборудования, – напомнил не без ехидства Егоров. – Это же VIP-лифт. Важным персонам не нравится, когда за ними наблюдают. У нас лишь картинки из коридора. Вид сверху.

И Борис прокрутил запись в начало.

Вот трафик-оператор у красной линии встречает симпатичную пассажирку, она машет на прощание Стрижевскому, и девушки вдвоем сначала едут по движущейся дорожке, а потом идут по коридору к нуль-камере. Вместе входят в открытые двери лифта.

Затем сотрудница VIP-зоны покидает кабину. Двери плавно закрываются.

Дальше ничего не происходит, Егоров пустил изображение в ускоренном темпе, и ровно через 4 минуты 14 секунд – время зафиксировал таймер в нижнем правом углу – двери резко открываются, из кабины ключьями валит дым, он быстро заволакивает экран.

– Коротко и ничего не ясно, – вздохнул академик.

– Да, информации маловато, – согласилась Млечина и достала из сумки ноутбук. – Давайте поделимся. Вы, профессор, как знаток нуль-пространственных характеристик, ищите последствия 33-х наносекундной задержки. Борис тестирует блок программы запуска. Я займусь архивом нештатных ситуаций.

Трое экспертов работали в полной тишине. Увы, ни у кого из них так и не появилось хоть какой-нибудь здоровой или даже абсурдной идеи. Поэтому и мозговой шторм проводить не имело смысла.

Несколько раз заглядывал Кибрик. В основном, чтобы привести с собой официанта: то с обедом, то с бутербродами, то с термосами с горячими напитками. Больше Аркадий ничем не мог помочь.

Да у него и возможности не было, чтобы сосредоточенно проанализировать ситуацию. Таймпорт продолжало лихорадить. Кто-то из старожилов вспомнил, что раньше в аэропортах

водились крысы, которые любили лакомиться проводами. Вдруг грызуны завелись снова? Или случайно какой-нибудь посторонний предмет завалился в систему. Техники на всякий случай взяли просветить нуль-камеры во всех трех башнях.

И главный диспетчер ломал расписание, перекидывал пассажиров с этажа на этаж. И это в пятницу, когда таймпорт и так перегружен.

А еще звонили коллеги из других городов. Хотя отчет Кибрика (тщательно отцензурированный, ни слова про находившуюся в тайм-лифте пассажирку) сразу же разместили на корпоративном сайте, и те, кто имел доступ, могли с документом ознакомиться, каждому хотелось из первых рук услышать подробности. Чтобы знать, как поступить в аналогичной ситуации.

Но что Аркадий мог посоветовать? Он сам оставался в неведении. И каждый раз, когда заходил в лабораторию, с надеждой смотрел на ученых.

Они в ответ точно так же глядели на него, ожидая услышать какую-нибудь новую информацию.

Двухсторонний тупик!

Алла обиженно захлопнула крышку ноутбука. Помассировала затекшую шею. Дошагала, (уже в который раз!) до поврежденной кабины. Но и там ничего нового – все тот же хаос из проводов.

Млечина досконально прочесала архив происшествий. Неполадки, да, случались, но никаких трагических последствий. Например, однажды, когда камера выезжала на точку прыжка, отлетело колесико. В другом случае неопытный диспетчер нажал кнопку «Пуск», не получив подтверждения из пункта назначения. Тут же сработала блокировка, тайм-лифт остался на месте.

Алла пролистала блоги тайм-диспетчеров, вдруг кто-то из них проболтался о том, что официально не зафиксировали. Но и тут ничего путного не попало. Мужики в основном жаловались на загруженность, на вредных начальников или вспоминали курьезные случаи с пассажирами.

От тотального бессилия Млечина даже почитала форумы любителей компьютерных симуляторов нуль-прыжков. И здесь – пусто.

Нуль-пространство – нуль идей, иначе не скажешь.

Вот ученые уверены, что трудно обнаружить иголку в стоге сена или черную кошку в темноте. Наивные, они не понимают, как им повезло, они хотя бы знают, что найдут – кусочек металла в первом случае или мяукающее млекопитающее во втором. А вот Алла даже не может сформулировать, что конкретно им нужно искать.

Млечина открутила крышку термоса, попыталась налить кофе. Но в чашку не упало ни капли: коллеги опустошили сосуд до дна.

– Где находится ближайший автомат? – если ее мозг немедленно не получит дозу кофеина, то соображать откажется.

– Позвони Кибрику, – Борис следил за бегущими по экрану строчками. Глаза предательски слипались. Может, тоже взбодрить себя кофе? – Он пришлет официанта.

– Предпочитаю пройтись, хочу сменить картинку в голове, – Алла уже открыла дверь в коридор.

– Тогда дойди до красной линии и поверни налево, – Борис хорошо знал расположение автомата, сам навещал его, не ленился спуститься по лестнице, когда выпадали перерывы в смене «под куполом». Эта машина – единственная в здании, которая производила напиток достойного качества.

Заканчивающаяся пятница плавно переходила в выходные. Суматошный период для сотрудников VIP-терминала. Богатые горожане сбегали из пыльной Москвы куда-нибудь к экзотическому берегу. Навстречу Алле то и дело попадались небольшие группы особо важ-

ных, в основном, семейных пассажиров, которые в сопровождении трафик-операторов спешили к новому тайм-лифту.

Млечина послушно повернула налево, опустила монетки в автомат и, пока машина варила заказанную порцию кофе, рассматривала выставленный у красной линии плакат. Изображение VIP-лифта сопровождалось поднадоевшим слоганом корпорации: «У нас всегда лётная погода!». Центральное место на щите занимала блондинка с бокалом шампанского в руках, девица сидела в кресле, элегантно закинув ноги одну на другую.

Алла замерла, забыв про давно налитый горячий напиток: что-то неправильно в плакате. Но что? ЧТО ЖЕ? Нет, нет, погодите, вот именно: плакат-то ПРАВИЛЬНЫЙ.

Млечина схватила со стойки у рекламного щита буклеты – точные уменьшенные копии большого рисунка и помчалась обратно.

Пролетев мимо охранника, она кинулась к столу и растолкала задремавшего Бориса.

– Егоров, да проснись же, наконец! Ты сам когда-нибудь перемещался с помощью тайм-лифта?

– М-м-м, – встряхнул головой диспетчер, пытаясь сосредоточиться на вопросе. – Конечно, и не раз.

– Вы что-то нашли? – подтянулся к столу и заинтригованный Виктор Николаевич.

– В VIP-кабине? – продолжала допрос Алла.

– Нет, только в обычной, – фыркнул Борис. – Моей зарплаты на такие поездки не хватит.

– А вы? – Млечина повернулась к Стрижевскому.

– Тоже в число привилегированных персон не вхожу, – констатировал академик.

– Представьте, и я ни разу не решилась выложить кругленькую сумму за объявленный комфорт. А зря, тогда бы сразу обратила внимание на несоответствия. Вот, – и Алла развернула перед мужчинами рекламный буклет, – фотография кабины. Ее классическая комплектация. А что увидели вы, когда прибежали на место происшествия?

– Таковую же кабину. Только без девушки, – Борис провел пальцем по глянцевой поверхности и постучал по фотографии блондинки.

– Не только! – загадочно произнесла Алла.

– Что ты имеешь в виду? – одновременно выкрикнули мужчины.

– Вместе с девушкой пропали кресло на колесиках, столик и бокал шампанского, – называя предметы, Млечина по очереди указывала на них, – атрибуты VIP-обслуживания. Причем обратите внимание: перечисленные вещи не являются частью общей конструкции. Они вносятся в кабину отдельно. Могу представить, что пассажирка, покидая в спешном порядке тайм-лифт, прихватила с собой бокал шампанского. Но, согласитесь, вряд ли девушка унесла мебель. Так куда же подевались кресло и столик?

Не сговариваясь все трое ринулись к разоренному тайм-лифту. Просветили внутренность инфракрасной лампой. Картинка получилась страшноватая, словно фрагмент космического боевика. Но никаких посторонних предметов не обнаружили.

Тогда решили довериться собственным ощущениям. Стрижевский простукивал остатки стен, Алла растаскивала провода и башмаком осторожно водила по полу, Борис протиснулся к противоположной – выходной двери и, держа в одной руке буклет, другой пытался определить место, где должен, судя по картинке, находиться столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.